

РИК РИОРДАН

ПЕРСИ ДЖЕКСОН
и ОЛИМПИЙЦЫ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Annotation

«Секретные материалы о полубогах» содержат историю трех самых опасных приключений Перси Джексона, никогда прежде не предававшихся гласности. Вы узнаете о том, как Перси встретился с бессмертными и жестокими сыновьями Ареса. Прочтете правду о бронзовом драконе, которого в Лагере полукровок долгое время считали лишь выдумкой. Увидите, как Аид обзавелся новым секретным оружием и как Перси невольно был вынужден участвовать в его создании. Но если вы посмеете поделиться этой информацией с кем-нибудь из посторонних... Ох, это может сильно не понравиться Клариссе — бойтесь гнева этой женщины с электрокопьем!

- [Рик Риордан](#)
  -
  - [ПЕРСИ ДЖЕКСОН И УКРАДЕННАЯ КОЛЕСНИЦА](#)
  - [ПЕРСИ ДЖЕКСОН И БРОНЗОВЫЙ ДРАКОН](#)
  - [Интервью с КОННОРОМ и ТРЕВИСОМ СТОУЛЛАМИ, сыновьями Гермеса](#)
  - [Интервью с КЛАРИССОЙ ЛА РУ, дочерью Ареса](#)
  - [Интервью с АННАБЕТ ЧЕЙЗ, дочерью Афины](#)
  - [Интервью с ГРОУВЕРОМ УНДЕРВУДОМ, сатиром](#)
  - [Интервью с ПЕРСИ ДЖЕКСОНОМ, сыном Посейдона](#)
  - [КАРТА ЛАГЕРЯ ПОЛУКРОВОК](#)
  - [БОГИ И ПОЛУБОГИ](#)
  - [ПЕРСИ ДЖЕКСОН И МЕЧ АИДА](#)
  - [ОЛИМПИЙСКИЙ КРОССВОРД](#)
  - [ОЛИМПИЙСКАЯ ПУТАНИЦА](#)
  - [ДВЕНАДЦАТЬ ОЛИМПИЙСКИХ БОГОВ +2](#)
  - [ОТВЕТЫ НА ОЛИМПИЙСКИЙ КРОССВОРД](#)
  - [ОТВЕТЫ НА ОЛИМПИЙСКУЮ ПУТАНИЦУ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)

Рик Риордан

«Перси Джексон и олимпийцы. Секретные материалы»

Посвящается Отто и Ноа, моим племянникам-полубогам

Дорогой юный полубог!

Если ты читаешь эту книгу, то я могу тебе только посочувствовать. Твоя жизнь вскоре станет намного опаснее.

Ты, видимо, уже понял, что ты не из породы смертных. Эта книга написана, чтобы показать тебе изнутри мир полубогов — мир, который не дозволено увидеть детям обычных людей. Как старший писарь Лагеря полукровок, я надеюсь, что из содержащейся в книге сверхсекретной информации ты получишь некоторые подсказки и знания и они помогут тебе выжить на этапе подготовки.

«Секретные материалы» содержат истории о трех самых опасных приключениях Перси Джексона, никогда прежде не предававшихся гласности. Ты узнаешь, как он встретился с бессмертными и жестокими сыновьями Ареса. Тебе станет известна правда о бронзовом драконе, которого в Лагере полукровок долгое время считали выдумкой. Ты прочтешь о том, как Аид обзавелся новым секретным оружием и как Перси невольно был вынужден участвовать в его создании. Эти сведения доверены бумаге вовсе не для того, чтобы тебя напугать. Просто важно, чтобы ты понял, насколько опасной может быть жизнь героя.

Хирон, кроме того, дал мне разрешение напечатать секретные интервью с некоторыми из наиболее известных обитателей лагеря, включая Перси Джексона, Аннабет Чейз и Гроувера Ундервуда. Пожалуйста, помни, что интервью эти давались на условиях соблюдения строжайшей тайны. Если ты поделишься этой информацией с кем-нибудь из посторонних, не полукровок, то к тебе вполне может заявиться Кларисса со своим электрическим копьём. И уж поверь мне, тебе это сильно не понравится.

И наконец, я поместил здесь кое-какие изображения, чтобы тебе было легче ориентироваться. Ты увидишь несколько портретов обитателей

Лагеря полукровок и таким образом сможешь легко их узнать при встрече. Аннабет Чейз дала нам разрешение изобразить содержимое ее чемодана, чтобы ты имел представление о том, что тебе нужно взять с собой на первое лето. Приложена также и карта лагеря — надеюсь, она поможет тебе не потеряться и не попасть в зубы каким-нибудь чудовищам.

Внимательно изучи эти страницы, потому что твои приключения только начинаются. Бессмертные боги да пребудут с тобой, мой юный полубог!

Искренне твой,

A handwritten signature in dark ink, reading "Rick Riordan" in a cursive, slightly slanted script.

*Рик Риордан,
старший писарь Лагеря полукровок*

ПЕРСИ ДЖЕКСОН И УКРАДЕННАЯ КОЛЕСНИЦА

Шел пятый урок в естественнонаучном классе, когда я услышал доносящиеся снаружи странные звуки:

— КРКРКРРР! Ш-Ш-Ш! ХРРРРРР!

Такое впечатление, словно на кого-то напали взбесившиеся курицы, но можете мне поверить — подобные ситуации для меня не новость. Казалось, никто больше не обратил внимания на этот шум. У нас была лабораторная работа, а это значит, что все галдели наперебой, и потому мне не составило труда выглянуть в окно, делая вид, будто я мою пробирку.

Я ничуть не удивился, увидев за окном девчонку с обнаженным мечом. Она была высокая и мускулистая, как баскетболист, с густыми каштановыми волосами, в джинсах, армейских ботинках и джинсовой куртке. И она сражалась со стаяй черных птиц, каждая размером с ворона. Из одежды девушки тут и там торчали перья. Над левым веком виднелась царапина. На моих глазах одна из птиц выпустила в нее перо, словно стрелу из лука, и оно впилось ей в плечо. Девчонка выругалась и замахнулась на птицу, но та увернулась.

К несчастью, эту девицу я знал. Это была Кларисса, мой старый враг из Лагеря полубогов. Обычно Кларисса круглый год жила в Лагере полукровок. И я понятия не имел, что она делает в Верхнем Ист-Сайде в самый разгар учебного дня, но, судя по всему, она попала в переделку. Долго ей не продержаться.

Я сделал то единственное, что мог сделать.

— Миссис Уайт, вы позволите мне выйти в туалет? — жалобным голосом спросил я. — Боюсь, меня может стошнить.

Вы наверняка слышали рассказы учителей о волшебном слове «пожалуйста». Так вот, это все ерунда. На самом деле волшебное слово — «тошнит». Никакое другое словечко не позволит тебе так легко выбраться из класса.

— Иди! — тут же отозвалась миссис Уайт.

Я выбежал в коридор, снимая на ходу защитные очки, перчатки и лабораторный передник и вытаскивая мое лучшее оружие — шариковую ручку под названием Анаклузмос.

В коридоре никто меня не остановил, и я вышел через спортивный зал.

И оказался на улице в тот момент, когда Кларисса плашмя шарахнула мечом по одной из этих дьявольских птиц, словно битой по мячу. Птичка заверещала и шмякнулась о стену, а потом камнем свалилась в мусорный бачок.

— Кларисса! — закричал я.

Она недоуменно посмотрела на меня.

— Перси? Ты что тут делаешь...

Новый перьевой залп оборвал ее на полуслове — черные оперенные стрелы просвистели рядом с головой Клариссы и вонзились в стену.

— Это моя школа, — объяснил я.

— Ну и повезло мне, — проворчала Кларисса, но она была слишком занята схваткой, чтобы продолжать в том же духе.

Я снял колпачок с авторучки, которая тут же превратилась в бронзовый меч трехфутовой длины, и присоединился к битве — принялся размахивать клинком, отражая летящие перья и снося птичьи головы. Мы с Клариссой рубили и кололи, пока от птиц не осталась только грудa перьев на земле.

Оба мы тяжело дышали. И я обнаружил на себе несколько царапин. Я извлек перьевую стрелу из руки — перо вошло не очень глубоко. Если оно не отравлено, то за последствия можно не опасаться. Я вытащил из кармана куртки мешочек с амброзией — он всегда там лежал на всякий пожарный случай, — разломал кусочек пополам и предложил половинку Клариссе.

— Не нужна мне твоя помощь, — пробормотала она, но амброзию взяла.

Мы откусили по маленькому кусочку — много нельзя, ведь это пища богов, если чуть-чуть переберешь, может сжечь тебя так, что и пепла не останется. Я думаю, поэтому разжиревших богов на свете и не бывает. Как бы там ни было, но через несколько секунд все наши синяки и царапины исчезли.

Кларисса засунула меч в ножны и отряхнула джинсовую курточку.

— Ну ладно... пока.

— Постой! — воскликнул я. — Не можешь же ты так просто уйти.

— Еще как могу.

— Что происходит, Кларисса? Что ты делаешь так далеко от лагеря? С чего вдруг эти птицы напали на тебя?

Кларисса отпихнула меня. По крайней мере, попыталась. Но я прекрасно знал все ее штучки. Я отпрянул в сторону — и ее качнуло вперед.

— Прекрати, — попросил я. — Тебя чуть не прикончили прямо перед моей школой. Значит, теперь это и меня касается.

— Нет, не касается!

— Я хочу тебе помочь.

Она тяжело вздохнула. Мне показалось, что Кларисса с удовольствием проткнула бы меня мечом, но в то же время, судя по отчаянию в ее глазах, она, похоже, попала в серьезную переделку.

— Это мои братья, — сказала она. — Они так прикалываются.

— Вот как?

На самом деле я ничуть не удивился. У Клариссы было много родни в Лагере полукровок. Все они задирали друг дружку. Наверное, этого от них и следовало ожидать, поскольку все они — сыновья и дочери бога войны Ареса.

— Кто именно? Шерман? Марк?

— Нет, — ответила Кларисса, и в голосе ее прозвучал такой страх, какого прежде мне не доводилось слышать. — Мои бессмертные братья. Фобос и Деймос.

Мы сели на скамейку в парке, и Кларисса рассказала мне все с самого начала.

Я не очень торопился назад в школу. Миссис Уайт наверняка решит, что медсестра отправила меня домой, а шестым уроком у нас был труд, там мистер Белл никогда не устраивал переключек.

— Итак, что у нас получается. Ты взяла машину своего папочки, чтобы прокатиться, а теперь ее ищут.

— Это не машина, — проворчала Кларисса. — Это боевая колесница. И он сам сказал, чтобы я ее взяла. Это вроде как... испытание. Я должна вернуть ее на место до захода солнца. Вот только...

— Твои братцы похитили тебя вместе с этой машиной.

— Не с машиной, а с колесницей, — снова поправила она меня. — Понимаешь, они его официальные возникшие... ну, те, кто правит колесницей. И они не любят, когда кто-то другой ее берет. Поэтому они выкрали колесницу, а меня прогнали с помощью этих дурацких птиц, стреляющих перьями.

— Эти птички — любимчики твоего папочки?

Кларисса с несчастным видом кивнула.

— Они охраняют его храм. Но вся беда в том, что если я не найду колесницу...

Вид у нее был неважный — она уже чувствовала, что проиграла. И я не виню ее. Я видел, как ее папочка Арес выходит из себя, и зрелище это не самое приятное. Если Кларисса послушается его, то ей ой как достанется.

Просто ой-ой-ой!

— Я тебе помогу, — предложил я.

— С какой это стати? — Кларисса одарила меня сердитым взглядом. — Мы ведь с тобой не друзья.

С этим я спорить не мог. Кларисса тысячи раз делала мне гадости, но тем не менее мне вовсе не хотелось, чтобы она или кто другой удостоился тумачков от Ареса. Я пытался сообразить, как получше сказать ей об этом, когда раздался мальчишеский голос:

— Эй, смотрите-ка! Кажется, она плачет!

Прислонившись к столбу, на нас глазел этакий великовозрастный балбес в драных джинсах, черной футболке и кожаной куртке. Голова повязана банданой, а из-за пояса торчит нож. А вот глаза у него... необычные, цвета пламени.

— Фобос! — Кларисса сжала руки в кулаки. — Где колесница, ты, шут гороховый?

— Ты же ее потеряла, — издевательски отозвался он. — Чего теперь меня спрашивать?

— Ах ты, маленький...

Кларисса вытащила меч и бросилась вперед, но стоило ей замахнуться, как парень исчез, а меч вонзился в столб. Фобос материализовался на скамейке рядом со мной. Он хихикал, но стоило мне приставить острие Анаклузмоса к его горлу, как смех прекратился.

— Советую тебе вернуть колесницу, — сказал я ему. — А то я рассержусь.

Он усмехнулся и попытался напустить на себя крутой вид, насколько это позволял меч, приставленный к шее.

— Кто этот твой маленький дружок, Кларисса? Значит, тебе теперь нужна помощь, чтобы выигрывать схватки?

— Он мне не дружок! — Кларисса вытащила меч из телефонного столба. — Он мне вообще никто! Это Перси Джексон.

Выражение лица Фобоса изменилось. Вид у него стал удивленный, может, даже испуганный.

— Сын Посейдона? Тот самый, который разозлил папу? Ну и дела, Кларисса! Ты тусуешься с заклятым врагом?

— Я с ним не тусуюсь!

Глаза Фобоса вспыхнули ярким пламенем. Кларисса вскрикнула. Она принялась махать руками, словно на нее напали невидимые жуки.

— Пожалуйста, не надо!

— Эй, что это ты с ней делаешь? — спросил я.

Кларисса отступала по улице, бешено размахивая мечом.

— Прекрати это! — велел я Фобосу и чуть вдавил острие меча ему в горло, но он просто исчез и появился снова у столба.

— Ты тут не шуми, Джексон, — сказал Фобос. — Я просто показываю ей то, чего она боится.

Пламя пропало из его глаз.

Кларисса, тяжело дыша, рухнула на землю.

— Ах ты, гад, — выдохнула она. — Ну, подожди! Ты у меня получишь!

Фобос повернулся ко мне.

— Ну а ты, Перси Джексон? Ты чего боишься? Я ведь все равно узнаю. Я всегда это знаю.

— Верни ей колесницу. — Я старался говорить спокойным голосом. — Я твоего отца не побоялся. Так что ты-то уж меня не напугаешь.

Фобос рассмеялся.

— Самое страшное в страхе — это сам страх. Так, кажется, говорят? Так вот, я тебе открою маленькую тайну. Я и есть страх!^[1] Хочешь найти колесницу — приди и возьми ее. Она за водой. Ты найдешь ее там, где живут дикие зверьки, — самое для тебя подходящее место.

Он щелкнул пальцами и исчез за завесой желтых паров.

Вот что я должен вам сказать. Я встречал много всяких божков и монстров, которые мне не нравились, но им всем далеко до Фобоса. Мне не нравятся задиры, и я никогда не ходил в школе в отличниках, но большую часть жизни провел в борьбе с уродами, которые хотели напугать меня или моих друзей. Увидев, как Фобос смеется надо мной и как он одним своим взглядом сбил с ног Клариссу, я решил его проучить.

Я помог Клариссе подняться. На ее лице блестели капельки пота.

— Ну, теперь ты готова принять от меня помощь? — спросил я.

Мы спустились в метро, поглядывая вокруг — не готовится ли какая-нибудь новая пакость. Но никто нас не тронул. По дороге Кларисса рассказала мне о Фобосе и Деймосе.

— Они — малые боги, — пояснила она. — Фобос — это страх, а Деймос — ужас.

— А в чем разница?

— Деймос, наверное, больше и уродливее, — нахмурилась Кларисса. — Он умеет здорово напугать сразу кучу народа. А Фобос... он как бы более индивидуального действия. Он может забраться тебе в голову.

— От него и пошло слово «фобия»?

— Ну да, — проворчала она. — Он так этим гордится. Все фобии названы в его честь! Вот ведь клоун.

— Так почему они не хотят, чтобы ты каталась на колеснице?

— Обычно ею управляют сыновья Ареса, достигшие пятнадцатилетия.

Я — первая дочь, которой это было позволено, неизвестно с каких времен.

— Поздравляю!

— Скажи это Фобосу и Деймосу. Они меня ненавидят... Короче, я должна вернуть колесницу в храм.

— А где этот храм?

— Восемьдесят шестой причал. На «Неустрашимом».

— Так-так...

Кое-что мне стало понятно. Вообще-то я никогда не был на борту старого авианосца, хотя и знал, что на нем устроили что-то вроде военного музея. Там, наверное, имеется куча орудий, бомб и других опасных игрушек. Именно такие места и выбирает бог войны.

— У нас остается еще часа четыре до захода солнца, — сказал я. — Если мы сумеем найти колесницу, то этого хватит.

— Но что Фобос имел в виду, когда говорил «за водой»? Ведь мы на острове, Зевс его заberi. Тут со всех сторон вода!

— Он говорил что-то о диких зверях, — вспомнил я. — О маленьких диких зверьках.

— Зоопарк?

Я кивнул. Зоопарк за водой — он мог иметь в виду Бруклин... а может, какое-то место с маленькими дикими зверьками, куда добраться труднее. Какое-то место, где никому и в голову не придет искать колесницу...

— Стейтен-Айленд, — догадался я. — Там есть маленький зоопарк.

— Может быть, — согласилась Кларисса. — Именно в таком экзотическом местечке Фобос с Деймосом и спрятали бы то, что им нужно спрятать. Но если мы ошибаемся...

— У нас нет времени на ошибки.

Мы сошли на Таймс-сквер и сели на «единичку» — автобус, идущий в сторону паромной переправы на Стейтен-Айленд.

Мы сели на паром в половине четвертого вместе с группой туристов, которые грудились у борта на верхней палубе и наперебой щелкали фотоаппаратами, когда мы проплывали мимо статуи Свободы.

— Он создал ее по образу своей матери, — заметил я, глядя на статую.

— Кто? — Кларисса посмотрела на меня, наморщив лоб.

— Бартольди. Тот парень, что изваял статую Свободы. Он был сыном Афины и придал статуе черты своей матери. По крайней мере, так мне

говорила Аннабет.

Кларисса закатила глаза. Аннабет была моим лучшим другом и знатоком всего, что касалось архитектуры и памятников. Иногда меня это ее всезнайство доставало.

— Это никому не нужно, — сказала Кларисса. — Если информация не помогает тебе побеждать в сражениях, то она бесполезна.

Я бы с ней поспорил, но в этот момент паром дернулся так, словно напоролся на камень. Туристы полетели вперед, падая друг на друга. Мы с Клариссой бросились на нос парома. Вода внизу начала закипать. Потом из залива высунулась голова морского змея.

Это чудовище размерами не уступало парому. Оно было серо-зеленым, с крокодилей головой и острыми как бритва зубами. А пахло оно... как и должно пахнуть то, что только-только поднялось со дна нью-йоркской гавани. На шее у него сидел здоровенный детина в черных греческих доспехах. Его лицо было изуродовано шрамами, а в руке он держал дротик.

— Деймос! — вскричала Кларисса.

— Привет, сестренка! — Улыбка у него была пострашнее змеиной. — Хочешь поиграть?

Монстр заревел. Туристы с криками начали разбегаться в разные стороны. Уж не знаю, что им там привиделось. Туман обычно не позволяет смертным видеть монстров в их истинном обличье, но то, что они все-таки разглядели, повергло их в ужас.

— Оставь их в покое! — закричал я.

— А то что, сын морского бога? — ухмыльнулся Деймос. — Мой братишка говорит, что ты слабачок. И потом, я обожаю ужас. Я живу ужасом!

Он подстегнул морского змея, и тот принялся бодать паром. Капитан спешно дал задний ход. Зазвучала тревожная сирена. Пассажиры в панике метались и падали друг на друга. Деймос довольно смеялся.

— Ну все, с меня хватит. — Я стиснул зубы. — Кларисса, держись крепче!

— Что?

— Хватай меня за шею! Мы сейчас прыгнем.

Она не стала возражать и ухватила за меня, а я начал отсчет:

— Раз, два, три — ПРЫГАЙ!

Мы спрыгнули с верхней палубы в волны залива, но под воду ушли только на одно мгновение. И я ощутил, как во мне бушует сила океана. Я закрутил воду вокруг себя до такой скорости, что нас выкинуло на поверхность тридцатифутовой струей, которую я направил прямо на

монстра.

— Ты как — справишься с Деймосом? — прокричал я Клариссе.

— Горю желанием! — ответила она. — Подбрось меня поближе — футов на десять.

Мы понеслись к змею. Не успел он обнажить клыки, как я увел струю в сторону, а Кларисса соскочила и набросилась на Деймоса. Оба они свалились в воду.

Морской змей тем временем пустился за мной в погоню. Я быстро изменил направление струи, чтобы оказаться лицом к нему, потом, собрав все силы, поднял воду на еще большую высоту.

ПЛЮХ!!!

Десять тысяч галлонов соленой воды хлынули на чудовище. Я прыгнул ему на голову, обнажил Анаклузмос и изо всех сил рубанул клинком по его шее. Монстр зарычал. Из раны хлынула зеленая кровь, и змей ушел под воду.

Я нырнул следом и увидел, как он удирает в открытое море. Что хорошо, когда имеешь дело с морскими змеями, — стоит им получить малейшую царапинку, и они ведут себя как малые дети.

Кларисса, кашляя и отплевываясь, вынырнула на поверхность рядом со мной. Я ухватил ее.

— Ну что, Деймосу как следует досталось? — спросил я.

Она отрицательно покачала головой.

— Стоило нам начать драться, как этот трус исчез. Но я уверена, мы его еще увидим. Как и Фобоса.

Туристы все еще с криками носились по палубе парома, но вроде бы никто из них не пострадал. Да и сам паром не получил никаких повреждений. Я решил, что не стоит нам тут оставаться, схватил Клариссу за руку и приказал волнам отнести нас на Стейтен-Айленд.

На западе солнце склонялось к побережью Джерси. Время наше было на исходе.

Я почти не бывал на Стейтен-Айленде. Оказалось, что он больше, чем я думал, а гулять по нему — никакого удовольствия. Улицы кривые, путаные и все, кажется, идут в гору. Я не промок (океанская вода никогда ко мне не пристаёт, если я только сам этого не захочу), но у Клариссы с одежды еще капала вода, и на тротуаре за ней оставался влажный след, а потому водитель автобуса захлопнул дверь у нас перед носом.

— Нет, не успеем, — вздохнула Кларисса.

— Да ладно, не переживай. Прорвемся.

Я старался говорить уверенно-оптимистическим тоном, но сомнения начали одолевать и меня. Нас было слишком мало. Два полубога против двух малых богов — силы неравные. И если Фобос и Деймос вдвоем выйдут против нас, то я вовсе не уверен, что мы их одолеем. У меня из головы не выходили слова Фобоса: «Ну а ты, Перси Джексон? Ты чего боишься? Я ведь все равно узнаю».

Протопав через пол-острова мимо множества пригородных домов, двух церквей и «Макдоналдса», мы наконец увидели вывеску: «ЗООПАРК». Свернув за угол, мы пошли по петляющей улице, по одну сторону которой росли деревья, и наконец оказались перед входом.

Дама в кассе подозрительно посмотрела на нас, но, слава богам, денег на билеты у меня хватило. Мы обошли серпентарий, и вдруг Кларисса остановилась как вкопанная.

— Вот она!

Она стояла на перекрестке между детским контактным зоопарком и прудом с морскими выдрами — большая красно-золотая колесница с запряженными в нее четырьмя черными лошадьми. Колесница была удивительным образом расписана, эти рисунки можно бы даже назвать красивыми, если бы люди на них не умирали мучительной смертью. Из ноздрей черных коней извергалось пламя.

Прогуливающиеся семьи с колясками проходили мимо колесницы так, будто ее и нет здесь. Наверное, Туман вокруг нее был довольно густым, потому что единственное, чем оправдывалось ее присутствие, — сделанная от руки надпись на бумажке, прикрепленной скотчем к груди одной из лошадей: «ОФИЦИАЛЬНОЕ ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО ЗООПАРКА».

— А где же Фобос и Деймос? — пробормотала, обнажая меч, Кларисса.

Я их не видел, но это могло означать только одно: они устроили нам ловушку.

Я сосредоточился на лошадях. Как правило, я могу разговаривать с ними, потому что их создал мой отец.

«Привет, славные огнедышащие лошадки. Идите ко мне», — мысленно сказал я.

Одна из лошадей презрительно заржала, и ее чувства от меня не укрылись. Она обозвала меня так, что я и повторить здесь не могу.

— Я постараюсь взять поводья, — сказала Кларисса. — С лошадьми я знаком. А ты меня прикрой.

— Хорошо.

Я толком не понимал, как я смогу прикрыть ее мечом, но держал ушки

на макушке, пока Кларисса подбиралась к колеснице. Она чуть не на цыпочках обошла вокруг лошадей.

Мимо проходила дама с трехлетней девочкой, и Кларисса замерла. Девочка сказала:

— Лошадки горят!

— Не говори глупостей, Джесси, — откликнулась ее мать сонным голосом. — Это официальное транспортное средство зоопарка.

Маленькая девочка попыталась возразить, но мама схватила ее за руку и повела дальше. Кларисса подошла ближе к колеснице. Ее рука была в шести дюймах от поручней, когда лошади встали на дыбы и дыхнули пламенем. На колеснице появились Фобос и Деймос, оба в боевых доспехах, черных как вороново крыло. Фобос усмехался, его красные глаза горели. Вблизи покрытое шрамами лицо Деймоса казалось еще ужаснее.

— Охота началась! — прокричал Фобос.

Кларисса чуть не упала, когда он стегнул лошадей и направил колесницу прямо на меня.

Эх, хотелось бы мне сказать вам, что тут я сделал что-нибудь героическое... ну, например, встал на пути огнедышащих лошадей, вооруженный одним мечом. Но на самом деле я побежал. Я перепрыгнул через мусорный бункер и загородку, но колесница двигалась куда быстрее меня, сокрушая все на своем пути.

— Перси, берегись! — прокричала Кларисса, словно я и сам не видел, что нужно спастись.

Я прыгнул и приземлился на каменистом островке в середине пруда для выдр, вызвал водную струю и остудил пыл лошадей, временно загасив их пламя и совершенно сбив с толку. Выдры совсем не обрадовались моему появлению. Они заверещали, затаивали, и я решил, что лучше мне убираться с их островка поскорее, а то и эти морские млекопитающие напустятся на меня.

Я побежал, слыша за спиной, как сыплется проклятиями Фобос, пытаюсь снова подчинить лошадей своей воле. Кларисса воспользовалась замешательством и атаковала Деймоса с тыла в тот момент, когда он занес дротик. Тут колесница рванулась вперед, и оба они свалились на землю.

Я понял, что Кларисса и Деймос начали поединок, услышав звон мечей, но у меня не было времени озаботиться этим, потому что Фобос снова гнался за мной. Я понесся к аквариуму — колесница мчалась следом.

— Эй, Перси! — раздался сзади издевательский голос Фобоса. — У меня есть кое-что для тебя!

Я оглянулся и увидел, что колесница плавится, лошади превращаются

в сталь и сливаются друг с дружкой, словно сминаемые фигурки из глины. Колесница вдруг стала похожа на металлический ящик на гусеничном ходу, с башней и длинноствольным оружием. Танк! Я его узнал, поскольку недавно делал доклад об оружии по заданию исторички. Фобос ухмылялся, глядя на меня с башни танка времен Второй мировой войны.

— Скажи «сы-ы-ыр», — предложил он.

Пушка выстрелила, но я успел упасть на бок.

БАБАХ!

Взорвался киоск сувениров — плюшевые мишки, пластиковые стаканчики и одноразовые фотокамеры разлетелись во все стороны. Фобос снова нацелил пушку, а я поднялся на ноги и кинулся в помещение, где располагался аквариум.

Я хотел окружить себя водой. Это всегда увеличивало мои силы. И потом, Фобос, вероятно, не сможет протащить свою колесницу через дверь. Конечно, если он ее выломает, то меня уже ничего не спасет...

Я побежал по комнатам в лучах странного синего света, лившегося из аквариума с рыбами. Каракатицы, рыба-клоун, угри — все уставились на меня, пока я стремглав бежал мимо них. Мне было слышно, как они, глупенькие, перешептываются: «Сын бога морей! Сын бога морей!» Вот здорово — быть знаменитостью среди кальмаров.

Я остановился у задней стены аквариума и прислушался. Сначала ничего не было слышно. А потом... Бррум, бррум. Словно двигатель какой-то.

Я, не веря своим глазам, смотрел, как по помещению аквариума катит Фобос на «Харлей Дэвидсоне». Я уже видел этот мотоцикл раньше — двигатель, разрисованный языками пламени, кобуры для револьверов, сиденье из кожи, похожей на человеческую. Это был тот самый мотоцикл, на котором ездил Арес, когда я впервые встретил его, но мне никогда не приходило в голову, что это всего лишь одна из форм его боевой колесницы.

— Привет, лузер, — сказал Фобос, вытаскивая из ножен громадный меч. — Ну, пора тебе испугаться.

Я поднял свой меч, полный решимости сразиться с ним, но тут глаза Фобоса загорелись еще ярче, и я совершил ошибку, заглянув в них.

Внезапно я оказался в другом месте. Я был в Лагере полукровок, самом моем любимом месте в мире, и вокруг полыхал огонь. Лес горел. Домики пылали. Греческие колонны обеденного павильона упали, а Большой дом являл собой дымящиеся руины. Мои друзья стояли на коленях, моля меня о помощи. Аннабет, Гроувер, все прочие обитатели

лагеря.

«Спаси нас, Перси! — кричали они. — Сделай выбор!»

Я замер, не в силах пошевелиться. Случилось то, чего я всегда боялся: сбывалось пророчество, приуроченное ко дню, когда мне исполнится шестнадцать. Когда я должен буду сделать выбор, который спасет или уничтожит Олимп.

И вот этот момент настал, а я понятия не имел, что надо делать. Лагерь горел. Мои друзья смотрели на меня, умоляя о помощи. Сердце у меня колотилось. Я не мог шелохнуться. Что, если я совершил ошибку?

Тут я услышал голоса аквариумных рыб: «Сын морского бога! Очнись!»

И снова почувствовал вокруг себя мощь океана, сотни галлонов соленой воды, тысячи рыб, пытающихся привлечь мое внимание. Я находился далеко от лагеря. Это была иллюзия. Фобос демонстрировал мне страх, гнездящийся в глубине моей души.

Я моргнул и увидел, как меч сына Ареса приближается к моей голове. Вскинув Анаклузмос, я парировал удар, не дав Фобосу разделить меня на две половинки.

Потом сделал ответный выпад и рассек Фобосу руку. На его рубашке выступила золотая сукровица — кровь богов.

Фобос зарычал и замахнулся на меня, а я легко парировал его клинок. Без своей способности нагонять страх Фобос оказался полным нулем. Да он и фехтовальщик-то никакой! Я наступал, размахивая мечом перед самым его лицом, даже щеку ему расцарапал. Чем больше он злился, тем хуже дрался. Убить его я не мог. Фобос был бессмертен. Но по выражению его лица об этом трудно было догадаться. Бог страха казался испуганным.

В конечном счете я пинком под задницу толкнул Фобоса в фонтан. Его меч отлетел куда-то в женский туалет. Я ухватился за ремешки его доспехов и подтянул к себе, чтобы заглянуть ему в лицо.

— А теперь ты исчезнешь, — сказал я Фобосу. — И не будешь мешать Клариссе. А если я увижу тебя еще раз, то у тебя появится еще один шрам. Только в другом, гораздо более болезненном месте!

— Я с тобой еще встречусь, Джексон! — пообещал мне сын Ареса.

И растворился в желтом тумане.

Я повернулся к рыбам и помахал им рукой.

— Спасибо, ребята!

Потом я посмотрел на мотоцикл Ареса. Никогда прежде я не ездил на сверхмощной боевой колеснице «Харлей Дэвидсон». Вот только получится ли? Я вскочил в седло, включил зажигание и выехал из аквариума на

помощь Клариссе.

Нашел я ее без труда — просто следовал по пути жертв и разрушений. Сломанные заборы. Животные, бегающие на свободе и развлекающиеся каждое на свой манер. Барсуки и лемуры, например, опробовали автоматы по продаже попкорна. Довольный леопард развалился на скамейке, вокруг него валялись голубиные перья.

Я припарковал мотоцикл у детского зоопарка и там, на площадке для козлов, увидел Деймоса и Клариссу. Кларисса стояла на коленях. Я бросился вперед, но внезапно замер, увидев, что Деймос изменил свой внешний вид. Теперь он был Аресом — высоченным богом войны, одетым в черную кожу и с солнечными очками на глазах, все его тело дымилось от гнева, когда он занес кулак над Клариссой.

— Ты опять меня подвела! — прокричал бог войны. — Я ведь тебя предупреждал!

Он попытался ударить ее, но Кларисса с визгом метнулась в сторону.

— Не надо! Пожалуйста!

— Глупая девчонка!

— Кларисса! — крикнул я. — Это иллюзия! Встань — не бойся его!

Изображение Деймоса замерцало.

— Я — Арес! — возразил он. — А ты — бесполезная девчонка! Я чувствовал, что ты меня подведешь. И теперь ты узнаешь, что такое мой гнев.

Я хотел вмешаться и сразиться с Деймосом, но почему-то чувствовал, что это не поможет. Кларисса должна была справиться с ним сама. Это был ее самый большой страх. Она сама должна преодолеть его.

— Кларисса! — позвал я. Она стрельнула в меня глазами, и я попытался удержать ее взгляд. — Сражайся с ним! У него ничего нет, кроме слов! Вставай!

— Я... я не могу.

— Можешь. Ты — боец. Вставай!

Она колебалась. Потом наконец начала вставать с колен.

— Ты что делаешь? — заорал Арес. — Моли о пощаде, девчонка!

Кларисса прерывисто вздохнула, потом очень тихо сказала:

— Нет.

— ЧТО?!

— Я устала бояться тебя. — Она подняла меч.

Деймос нанес удар, но Кларисса парировала его. Колени у нее подогнулись, но она не упала.

— Ты не Арес, — сказала Кларисса. — Да ты и драться-то как следует не умеешь.

Деймос в бешенстве зарычал. Когда он замахнулся, Кларисса была готова к обороне. Она разоружила сына Ареса и кольнула лезвием в плечо — не глубоко, но достаточно сильно, чтобы даже малому богу стало больно.

Он завопил, и его фигура окуталась медленно разгорающимся сиянием.

— Не смотри на него! — крикнул я Клариссе.

Мы отвернулись, а Деймос взорвался золотым светом (его истинная божественная форма) и исчез.

Мы остались вдвоем, если не считать козлов из детского зоопарка, которые цеплялись за нашу одежду, выпрашивая что-нибудь поесть.

Мотоцикл снова превратился в колесницу с запряженными в нее лошадьми.

Кларисса опасливо посмотрела на меня, вытряхнула из волос солому и отерла пот с лица.

— Ты этого не видел! Ты ничего этого не видел.

— Ты здорово держалась, — усмехнулся я.

Она посмотрела на небо, начавшее краснеть за кронами деревьев.

— Забирайся в колесницу, — сказала Кларисса. — Нам еще предстоит неблизкий путь.

Через несколько минут мы были у паромного причала Стейтен-Айленда и тут сообразили: мы находимся на острове. Паром не брал на борт автомобилей. И колесниц. И мотоциклов тоже.

— Вот здорово, — пробормотала Кларисса. — И что же нам теперь делать? Гнать колесницу по мосту Верразано?

Оба мы знали, что времени у нас в обрез. Мы могли по мостам перебраться в Бруклин или Нью-Джерси, но в любом случае нам бы еще несколько часов пришлось тащиться до Манхэттена, даже если бы и удалось провести всех вокруг, сделав вид, что мы едем на обычной машине.

И тут мне пришла в голову одна мысль:

— Мы поедem напрямик.

Кларисса нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

— Давай-ка гони напрямик. Вперед! — Я закрыл глаза и сосредоточился.

Кларисса пребывала в таком отчаянии, что не колеблясь послушалась

меня.

Она закричала «ийа-а!» и хлестнула лошадей. Они понеслись к воде. Я представил себе, как каменеет море и как твердеет поверхность волн до самого Манхэттена. Боевая колесница достигла полосы прибоя. Вокруг нас клубилось огненное дыхание лошадей, и мы по бурунам волн проскакали вплоть до самой гавани Нью-Йорка.

Мы прибыли на 86-й причал, когда закатное небо стало обретать пурпурный цвет. Авианосец «Неустршимый», храм Ареса, серой металлической стеной воздвигся перед нами, на его посадочной палубе размещались истребители и вертолеты. Мы припарковали колесницу на пандусе, и я выпрыгнул из нее. Впервые я был рад оказаться на твердой земле. В жизни не приходилось делать ничего труднее — удерживать колесницу над волнами. От усталости я едва не падал с ног.

— Я, пожалуй, смоюсь отсюда, пока не появился Арес, — сказал я.

Кларисса кивнула.

— Он может тебя укокошить на месте.

— Поздравляю, — сказал я. — Ты, похоже, сдала экзамен по вождению.

— О том, что ты видел, Перси... — Она намотала вожжи на руку. — Я хочу сказать, о том, чего я боялась...

— Я никому не скажу.

Она, покраснев, посмотрела на меня.

— А тебя Фобос напугал?

— Да. Я видел лагерь в огне. Я видел, как мои друзья умоляют меня о помощи, а я не знаю, что мне делать. Целую вечность не мог пошевелиться. Стоял столбом как идиот. Я понимаю, что ты чувствовала.

Кларисса опустила глаза.

— Я... гм... пожалуй, я должна...

Казалось, слова застряли у нее в горле. Наверное, Кларисса в жизни никому не говорила «спасибо».

— Да ладно, не о чем говорить, — сказал я.

Я пошел прочь, но она окликнула меня.

— Перси!

— Да?

— Когда у тебя... гм... было это видение... твои друзья...

— Ты была среди них, — соврал я. — Только никому не говори, ладно? Или мне придется тебя убить.

На лице Клариссы мелькнула улыбка.

— Ну, пока.

— Пока.

Я двинулся к метро. День выдался нелегкий, и я собирался отправиться домой.

ПЕРСИ ДЖЕКСОН И БРОНЗОВЫЙ ДРАКОН

Один-единственный дракон может испортить тебе настроение на целый день.

Уж вы мне поверьте: я, как полукровка, повидал много всяких гадостей. Меня кусали, меня царапали, меня жгли факелом и травили. Я сражался с одноголовыми драконами, двухголовыми, восьмиголовыми, девятиголовыми... и драконами, у которых столько голов, что их до смерти не пересчитать.

Но в тот раз в переделке с бронзовым драконом я почти не сомневался, что мы с друзьями окончим жизнь в виде какого-нибудь драконьего «Роял канина».

Этот вечер начался вполне обычно.

Стоял конец июня. Я всего две недели назад вернулся из своего последнего поиска, и жизнь в Лагере полукровок постепенно возвращалась в свою колею. Сатиры гонялись за дриадами. В лесах были чудовища. Обитатели лагеря развлекались и подкалывали друг друга, а наш директор, Дионис, превращал в кустарник всех, кто плохо себя вел. Короче, в лагере все было как всегда.

После обеда никто не разошелся, все ребята остались в павильоне для трапезы. Мы были возбуждены, потому что этим вечером предполагался захват флага, мероприятие само по себе весьма крутое.

Предыдущим вечером домик Гефеста провернул колоссальную операцию. Они захватили флаг у отпрысков Ареса (не без моей помощи, спасибо за поздравления!), а это означало, что домик Ареса жаждал крови. Ну да, эти ребятки всегда жаждут крови, но тем вечером они особенно пылали яростью.

В команду синих входили дома Гефеста, Аполлона, Гермеса и я — единственный полубог из домика Посейдона. Были и плохие новости: на сей раз дети Афины и Ареса (оба дома богов войны) объединились против нас в команде красных вместе с потомством Афродиты, Диониса и Деметры. Домик Афины владел вторым флагом, а капитаном у них была моя подруга Аннабет.

Что и говорить, Аннабет — из тех людей, кого лучше не иметь в стане

врагов.

Перед началом игры она подкатилась ко мне.

— Эй, Рыбы Мозги!

— Когда ты прекратишь так меня называть?

Аннабет знает, что я ненавижу это прозвище, ненавижу главным образом потому, что у меня нет подходящего ответа. Она — дочь Афины, что не дает особых поводов для дразнилки. Ну, то есть я хочу сказать, что Совоголовая или Премудрая — прозвища не очень.

— Да брось, тебе же нравится!

Она толкнула меня плечом — я так полагаю, это дружеский жест, — но на ней был полный греческий доспех, а потому я сморщился от боли. В серых глазах под шлемом сверкали веселые искорки. Нелегко классно выглядеть в боевых доспехах, но Аннабет это удавалось.

— Знаешь, что я тебе скажу, — она понизила голос, — сегодня ночью мы вас, конечно, разобьем, но если ты займешь безопасную позицию... например, на правом фланге... то я позабочусь, чтобы тебя не разорвали на мелкие кусочки.

— Ну, спасибо, — сказал я. — Только я всегда играю на выигрыш.

Аннабет улыбнулась.

— Встретимся на поле боя.

Она побежала назад к своим союзникам, а те принялись смеяться и хлопать о ее ладошку ладонями поднятых рук. Я никогда не видел Аннабет такой довольной, похоже, возможность побить меня была лучшим из всего, что могло случиться в ее жизни.

Подошел Бекендорф, держа под мышкой свой шлем.

— Ты ей нравишься, старик.

— Ну да, — пробормотал я. — Я ей нравлюсь в качестве учебной мишени.

— Да нет, они так всегда делают. Если девчонка пытается тебя убить, это значит, она в тебя втюрилась.

— Очень логично.

Бекендорф пожал плечами.

— Я в таких вещах разбираюсь. Ты должен пригласить ее на фейерверк.

Я не мог понять, шутит он или нет.

Бекендорф — староста в домике Гефеста. Такой здоровенный детина с постоянной ухмылкой на физиономии. Мышцы — как у профессионального бейсболиста, а на ладонях мозоли от работы в кузнице. Ему недавно исполнилось восемнадцать, и осенью он собирался поступать

в нью-йоркский университет. Бекендорф был старше меня, а потому я прислушивался к нему, но от идеи пригласить Аннабет на фейерверк, что устраивают на берегу в День независимости — словно это самый подходящий денек для свиданий летом, — у меня даже живот скрутило.

Мимо прошла Силена Боргард, староста домика Афродиты. Ни для кого не секрет, что Бекендорф вот уже года три как сохнет по ней. У Силены были длинные черные волосы и большие карие глаза, а когда она проходила мимо, все ребята оборачивались и смотрели ей вслед.

— Удачи тебе, Чарли, — сказала она.

Надо отметить, что никто никогда не называет Бекендорфа по имени.

Силена одарила его белозубой улыбкой и пошла, чтобы присоединиться к Аннабет и команде красных.

— Ух... — Бекендорф проглотил слюну и засопел, словно на какое-то время утратил способность нормально дышать.

— Спасибо за совет, братишка. — Я потрепал его по плечу. — Я рад, что ты такой знаток в том, что касается девчонок. Нам пора. Потопали в лес.

Естественно, что мы с Бекендорфом взяли на себя самую опасную работу. Пока домик Аполлона занимал оборону со своими луками, домик Гермеса должен был атаковать центр леса, чтобы отвлечь противника. Мы с Бекендорфом тем временем должны были провести разведку на левом фланге, обнаружить флаг противника, выбить защитников и доставить флаг на нашу сторону. Все просто.

Почему на левом фланге?

— Потому что Аннабет хотела, чтобы я пошел на правый, — сказал я Бекендорфу, — а это значит, что она не хочет, чтобы мы шли на левый.

Бекендорф кивнул.

— Ну, давай за дело!

Он разработал для нас двоих секретное оружие — хамелеонские бронзовые доспехи. Если мы стояли перед скалой, то наши нагрудники, шлемы и щиты становились серыми. Если мы стояли перед кустами, то металл зеленел. Это была не стопроцентная невидимость, но весьма хорошая маскировка, в особенности на расстоянии.

— Ты смотри не испорти их, — предупредил меня Бекендорф. — Знаешь, сколько я их ковал!

— Понял, капитан.

Бекендорф хмыкнул. Я видел, ему нравится, когда его называют капитаном.

Ребята Гефеста пожелали нам удачи, и мы незаметно скользнули в лес, а наши доспехи тут же обрели зеленовато-коричневатый цвет, сливаясь с деревьями.

Мы пересекли ручеек, который служил для команд границей между территориями. Издалека до нас донеслись звуки сражения — удары мечей о щиты. На мгновение мелькнула вспышка света от какого-то волшебного оружия, но мы никого не увидели.

— Что, никакой охраны на границе? — прошептал Бекендорф. — Странно.

— Они слишком самоуверенны, — высказал предположение я, но чувство тревоги меня не покидало.

Аннабет была великим стратегом. Уж она бы не допустила никаких дыр в обороне, даже если ее команда превосходила нас численностью.

Мы перешли на вражескую территорию. Я знал, что нам нужно торопиться, потому что наша команда играла в обороне, а это не могло длиться вечно. Ребят Аполлона рано или поздно сметут. Домик Ареса не остановишь такими глупостями, как стрелы из лука.

Мы крадучись пробирались мимо здоровенного дуба, и меня чуть удар не хватил, когда из ствола вдруг появилась девчоночья физиономия.

— Кыш! — воскликнула она и исчезла в коре.

— Дриады, — проворчал Бекендорф. — Они такие обидчивые.

— А вот и нет! — раздался приглушенный голос из дерева.

Мы пошли дальше. Трудно было сказать, где точно мы находимся. Некоторые ориентиры были хорошо заметны, но лес имел склонность смещаться. Видимо, духи природы проявляли беспокойство. Тропинки меняли направление. Деревья двигались.

Вдруг мы оказались на краю полянки. И я сразу понял, что мы влипли, как только увидел большой земляной холм.

— Бессмертный Гефест! — прошептал Бекендорф. — Муравейник!

Мне хотелось развернуться и пуститься наутек. Я никогда прежде не видел муравейников, но от ветеранов лагеря слышал всякие истории. Холм поднимался до верхушек деревьев — четыре этажа минимум. Его стенки были пронизаны туннелями, через которые выползали тысячи...

— Мирмеки, — пробормотал я.

Так греки называют муравьев, но это были не совсем муравьи, а твари намного крупнее. У любого бойца они вызвали бы сердечный приступ.

Размерами мирмеки вполне могли составить конкуренцию немецкой овчарке. Их панцири отливали кроваво-красным цветом. Глаза напоминали

черные бусины. На ходу мирмеки щелкали острыми как бритва жвалами. Некоторые из них несли ветки. Другие — куски сырого мяса, откуда они взялись — мне и думать не хочется. Большинство тащило куски металла: старые доспехи, мечи, бронзовые тарелки, которые каким-то образом попали сюда из трапезной. Один из муравьев волок черный лакированный капот спортивного автомобиля.

— Они обожают сверкающий металл, — прошептал Бекендорф. — В особенности золото. Я думаю, у них в гнезде больше золота, чем в Форт-Ноксе.^[2] — В голосе его послышалась завистливая нотка.

— Даже не думай об этом, — сказал я.

— Не буду, — пообещал он. — Давай-ка линять отсюда, пока...

Его глаза расширились.

Футах в пятидесяти от нас два муравья с трудом волокли в свое гнездо громадный кусок металла. Он был размером с холодильник, отливал бронзой и золотом, сбоку у него виднелись выпуклости и бороздки, а снизу торчал пучок проводов. Наконец муравьи перевернули эту штуковину, и я увидел ее спереди. Я аж задохнулся от изумления.

— Это же...

— Тихо! — Бекендорф потащил меня назад в кусты.

— Но это же...

— Голова дракона, — с ужасом сказал он. — Да. Я вижу.

Морда была длинная, размером с меня, пасть открыта, и в ней виднелись металлические зубы, похожие на акульки. На шкуре чередовалась золотая и бронзовая чешуя, вместо глаз — рубины размером с мой кулак. Голова была словно отрублена от тела, наверное, муравьи отгрызли ее своими жвалами. Провода обгорели и перепутались.

Голова эта, скорее всего, была тяжелая, потому что муравьи с трудом тягали ее — всего на несколько дюймов за один рывок.

— Если они дотащат ее до муравейника, им помогут другие муравьи, — сказал Бекендорф. — Мы должны их остановить.

— Что?! — изумился я. — Почему?

— Это знак от Гефеста. Идем!

Я не понял, что он имеет в виду, но я никогда не видел Бекендорфа таким решительным. Он побежал по краю полянки, его доспехи сразу же слились с листвой.

Я собирался последовать за ним, но тут мне в шею уперлось что-то острое и холодное.

— Сюрприз, — объявила Аннабет прямо у меня над ухом.

Наверное, на ней была ее волшебная бейсболка, потому что Аннабет

оставалась совершенно невидимой.

Я попытался шевельнуться, но она сунула нож мне под подбородок. Из леса с обнаженным мечом появилась Силена. Ее доспехи Афродиты были розовыми и красными — под цвет одежды и косметики. Она напоминала Барби, вышедшую на тропу войны.

— Отличная работа, — похвалила она Аннабет.

Невидимая рука конфисковала мой меч. Аннабет сняла бейсболку и материализовалась прямо передо мной. На лице у нее сияла лукавая улыбка.

— Выслеживать мальчишек проще простого. Они шумят, как влюбленный Минотавр.

Щеки у меня загорелись. Я попытался вспомнить, не сказал ли перед этим чего-нибудь такого... Кто знает, давно ли Аннабет и Силена подслушивали?

— Ты военнопленный, — заявила Аннабет. — Сейчас захватим Бекендорфа и...

— Бекендорф!

На какую-то секунду я забыл о нем, а он так и продолжал бежать в направлении головы дракона, от которой его теперь отделяли футов сорок.

Он не заметил девчонок, не заметил и того, что меня нет рядом.

— Бежим туда! — выкрикнул я Аннабет.

Она потащила меня назад.

— Эй, пленный, ты куда это собрался?

— Смотри!

Она посмотрела на полянку и, кажется, только теперь поняла, где мы.

— Зевс милосердный...

Бекендорф выпрыгнул из-за деревьев и ударил одного из муравьев. Его меч оставил вмятину на хитиновом щитке. Муравей повернулся, щелкая клешнями. Я и охнуть не успел, как муравей вцепился в ногу Бекендорфа, и тот свалился на землю. Второй муравей брызнул чем-то вязким ему в лицо, и Бекендорф закричал. Он уронил меч и прижал руки к глазам.

Я бросился к нему, но Аннабет утащила меня назад.

— Нет!

— Чарли! — завопила Силена.

— Тихо! — зашипела Аннабет. — Все равно уже поздно!

— Что ты несешь?! — возмутился я. — Мы должны...

Тут я увидел, что к Бекендорфу спешат новые муравьи — десять, двадцать. Они подхватили его за доспехи и потащили к муравейнику с такой скоростью, что он мигом исчез в одном из туннелей.

— Нет! — Силена толкнула Аннабет. — Ты позволила им захватить Чарли!

— У нас нет времени на препирательства! — огрызнулась Аннабет. — Идем!

Я думал, что она поведет нас в атаку, чтобы спасти Бекендорфа, но она ринулась к голове дракона, о которой муравьи временно забыли. Аннабет схватила голову за провода и потащила к лесу.

— Что ты делаешь? — закричал я. — Бекендорф...

— Помогите мне, — прохрипела Аннабет. — Быстрее, пока они не вернулись.

— О боги! — воскликнула Силена. — Тебя больше волнует этот кусок железа, чем Чарли?!

Аннабет развернулась и взяла ее за плечо.

— Послушай, Силена! Это же мирмеки. Они как огненные муравьи, только в сто раз хуже. Они ядовитые. Они разбрызгивают кислоту. Они общаются с другими муравьями и уничтожают все, что может им угрожать. Если бы мы бросились на помощь Бекендорфу, они и нас затащили бы к себе. Нам понадобится помощь — и не слабая помощь, — чтобы извлечь его оттуда. А теперь — хватай за провода. Потащили!

Я не знал, что на уме у Аннабет, но я успел побывать с ней не в одной переделке и понимал: она знает, что делает. Мы втроем потащили металлическую драконью голову в лес. Аннабет не позволила нам остановиться, пока мы не оказались на расстоянии ярдов пятидесяти от полянки. Тут мы упали на землю, задыхающиеся и мокрые от пота.

Силена заплакала.

— Может быть, он уже мертв...

— Нет, — возразила Аннабет. — Сразу они его не убьют. У нас есть около получаса.

— Откуда ты это знаешь?

— Я читала про мирмеков. Они парализуют жертву, чтобы можно было размягчить ее, прежде чем...

— Мы должны его спасти! — Силена громко зарыдала.

— Силена, — сказала Аннабет, — мы его спасем, но ты должна взять себя в руки. Способ есть!

— Нужно позвать ребят, — предложил я. — Или Хирона. Хирон наверняка знает, что нужно сделать.

Аннабет покачала головой.

— Они рассредоточены по лесу. Пока мы их всех соберем, будет уже поздно. И потом всего лагеря будет недостаточно, чтобы захватить

муравейник.

— И что же теперь?

Аннабет показала на драконью голову.

— И что? — не понял я. — Ты собираешься напугать муравьев этой большой металлической башкой?

— Это автоматон, — пояснила она.

Настроение от этого ответа у меня не улучшилось. Автоматоны — это такие волшебные роботы из бронзы, их изготавливал Гефест. Большинство из них были машинами-убийцами невероятной силы.

— Ну и что? Это только голова. Она сломана.

— Перси, это не просто какой-то там автоматон, — раздраженно сказала Аннабет. — Это бронзовый дракон. Ты что, ничего про него не знаешь?

Я тупо смотрел на нее. Аннабет прожила в Лагере полукровок гораздо дольше меня. Она, вероятно, знала тысячи историй, с которыми я был незнаком.

— Ты имеешь в виду старого хранителя? — Глаза Силены расширились. — Но это же только легенда!

— Постойте! — взмолился я. — Кто это — старый хранитель?

Аннабет глубоко вздохнула.

— Перси, во времена, когда не было дерева Талии — до того, как у лагеря появились волшебные границы, непреодолимые для монстров, — директора использовали самые разные способы самозащиты. Самым знаменитым из них был бронзовый дракон. Его сделал домик Гефеста с благословения их отца. Считается, что он был таким свирепым и сильным, что лагерь целых десять лет находился в безопасности. А потом, лет пятнадцать назад, дракон исчез в лесу.

— И ты думаешь, это его голова?

— А ничего другого и быть не может! Мирмеки, вероятно, наткнулись на дракона в поисках драгоценных металлов. Целиком они его утащить не смогли, вот и отгрызли голову. Тело, наверное, где-то поблизости.

— Но они же отгрызли голову! А от нее одной никакого прока.

— Не совсем так. — Аннабет прищурилась, и я видел, что ее мозги напряженно работают. — Мы можем его собрать. А если удастся его активировать...

— ...то это поможет нам спасти Чарли! — подхватила Силена.

— Постой. Тут слишком много всяких «если». Если мы его найдем, если мы успеем его вовремя активировать, если он нам поможет. Ты сказала, что эта штукавина исчезла пятнадцать лет назад?

Аннабет кивнула.

— Некоторые говорят, что у него износился двигатель и потому он отправился в лес, собираясь деактивироваться. Или у него программа засбоила. Никто этого не знает.

— Ты собираешься заново собрать испорченного металлического дракона?

— Мы должны попытаться! — закричала она. — Для Бекендорфа это единственная надежда! И потом, может быть, это знак от Гефеста. Дракон наверняка пожелает помочь детям Гефеста. Бекендорф рассчитывает на нас — и мы должны попытаться.

Мне эта мысль решительно не нравилась. С другой стороны, ничего лучше я предложить не мог. Времени у нас оставалось все меньше, а глядя на Силену, я видел, что если мы чего-нибудь не сделаем в ближайшее время, то у нее начнется истерика. Бекендорф говорил что-то о знаке от Гефеста. Может быть, пришло время выяснить это.

— Хорошо, — сказал я. — Давайте искать безголового дракона.

Мы искали целую вечность, а может, так только казалось, потому что я все время представлял себе Бекендорфа в муравейнике, испуганного и парализованного... а вокруг него суетится шайка бронированных тварей — ждут, когда он размягчится.

Пройти по следу, оставленному муравьями, было проще простого. Они волокли драконью голову по лесу, проделав глубокую канаву в грязи, а мы теперь тащили голову назад по этой колее.

Мы, наверное, преодолели уже с полмили — и я волновался, что прошло слишком много времени, — когда Аннабет выдохнула:

— Di immortales!^[3]

Мы подошли к краю ямы — такой здоровенной дыры размером с дом. Стенки ямы были скользкими, из земли торчали корни. Муравьиные следы вели на самое дно, где сквозь комья земли сверкало что-то металлическое. В одном месте из бронзового обрубка торчали провода.

— Драконья шея, — сказал я. — Ты думаешь, это муравьи вырыли такую яму?

— Больше похоже на падение метеора... — покачала головой Аннабет.

— Это Гефест. — Лицо Силены просияло. — Наверное, его откопал сам Гефест. Он хотел, чтобы мы нашли дракона. Он хотел, чтобы Чарли... — Дыхание у нее перехватило.

— Ладно, — сказал я, — прикрепим голову к туловищу.

Доставить голову дракона вниз оказалось просто. Она скатилась по склону и громко ударилась о шею — БАБАХ! Подсоединить ее было сложнее.

Мы не имели ни инструмента, ни опыта в таком деле.

Аннабет, проклиная всех древних греков, вместе взятых, разматывала провода.

— Нам нужен Бекендорф! Он бы сделал это за считанные секунды.

— Разве твоя матушка не богиня изобретателей? — спросил я.

— Да. — Аннабет наградила меня свирепым взглядом. — Но тут другое дело. Я неплохо разбираюсь в том, что касается идей, но не в механике.

— Если бы мне нужно было выбрать одного-единственного человека, чтобы прикрутить мне голову на место, то я выбрал бы тебя.

Я пробормотал это, наверное, для того, чтобы придать ей уверенности, но тут же понял, что сморозил глупость.

— Ах... — Силена шмыгнула носом и протерла глаза. — Перси, это так мило с твоей стороны.

Аннабет покраснела.

— Заткнись, Силена. И дай мне твой кинжал.

Я опасался, как бы Аннабет не пырнула меня этой штуковиной, но она воспользовалась кинжалом как отверткой, чтобы вскрыть панель в шее дракона.

— Ну, посмотрим, получится что-нибудь или нет, — проворчала она.

И принялась сращивать провода из небесной бронзы.

На это ушло много времени. Слишком много.

Захват флага уже, наверное, состоялся, и теперь я размышлял, как скоро ребята сообразят, что мы отсутствуем, и отправятся нас искать. Если расчеты Аннабет были верны (а они всегда были верны), то Бекендорфу оставалось минут пять или десять, прежде чем муравьи набросятся на него.

Наконец Аннабет встала и выдохнула. Руки у нее были грязные и поцарапанные, ногти поломаны. На лбу в том месте, куда дракон решил плюнуть на нее смазкой, коричневела жирная полоса.

— Ну, все, — сказала она. — Похоже, получилось...

— Ты говоришь «похоже»? — спросила Силена.

— Должно получиться, — сказал я. — У нас не осталось времени. Ну, как ты его будешь запускать? Тут у него есть ключ зажигания или что-нибудь такое?

Аннабет показала на рубиновые глаза дракона.

— Они поворачиваются по часовой стрелке. Я так думаю, мы должны их повернуть.

— Если бы кто-то выкрутил мне глаза, я бы наверняка проснулся, — согласился я. — А что, если ему это не понравится?

— Тогда... нам конец.

— Отлично, — вздохнул я. — Я готов.

Мы одновременно повернули рубиновые глаза дракона, и они тут же начали светиться. Мы с Аннабет отпрянули с такой прытью, что свалились друг на друга. Пасть дракона открылась, словно он проверял, как действует его челюсть. Голова повернулась в нашу сторону. Из его ушей пошел дым, и он попытался подняться.

Поняв, что он не может двигаться, дракон, казалось, смутился. Он наклонил голову, скосил взгляд на землю. Наконец он понял, что закопан. Шея напряглась один раз, потом еще... После чего центр ямы взорвался комьями земли.

Дракон неловко выбрался на поверхность, отряхивая с себя землю, как это делают собаки, и мы мгновенно с головы до ног оказались в грязи. Автоматон выглядел ужасно, просто слов не подобрать как. Я хочу сказать, ему явно не помешало бы посетить автомойку, к тому же из него здесь и там торчали провода, но тело дракона было удивительным... Оно напоминало танк, сделанный по современным технологиям, но только на ногах, а не на гусеничном ходу. Его бока прикрывали бронзовые пластины и золотая чешуя, инкрустированная драгоценными камнями. Ноги его были размером со ствол дерева, а из пальцев торчали стальные когти. Крыльев у него не оказалось — у большинства греческих драконов крыльев нет, — а вот длина хвоста равнялась длине остального туловища, не уступавшего размерами школьному автобусу. Шея дракона заскрипела и затрещала, когда он повернул голову к небу и торжествующе испустил сноп огня.

— Ну вот, — тихонько сказал я, — он по-прежнему в рабочем состоянии.

К несчастью, дракон меня услышал. Его рубиновые глаза впились в меня, он вытянул морду, которая тут же оказалась в двух дюймах от моего лица. Я инстинктивно потянулся к мечу.

— Дракон, стой! — прокричала Силена.

Я поразился тому, что она не потеряла дар речи. Она говорила таким командным тоном, что автоматон повернулся к ней.

Силена нервно сглотнула.

— Мы тебя разбудили, чтобы защитить лагерь. Ты не забыл? Ведь это твоя работа!

Дракон наклонил голову, словно задумавшись. Полагаю, что шансы Силены на то, что дракон сожжет ее огнем, составляли пятьдесят на пятьдесят. Я собирался прыгнуть ему на шею, чтобы отвлечь его внимание, но тут Силена сказала:

— В беду попал Чарльз Бекендорф, сын Гефеста. Его захватили мирмеки. Ему нужна твоя помощь.

При слове «Гефест» шея дракона вытянулась, по металлическому телу пробежала дрожь, отчего на нас снова полетели комья земли.

Дракон оглянулся, словно пытаясь найти врага.

— Мы должны ему показать, — сказала Аннабет. — Идем, дракон! К сыну Гефеста — это сюда. Следуй за нами!

Она вытащила меч, и мы втроем полезли из ямы.

— За Гефеста! — прокричала Аннабет, и это было самое то.

Мы побежали по лесу. Я оглянулся — бронзовый дракон шел за нами по пятам, его красные глаза светились, а из ноздрей валил пар.

Должен вам сказать, это здорово нас подгоняло на пути к муравейнику.

Когда мы вышли на полянку, дракон вроде бы почуял запах Бекендорфа. Он обогнал нас, и нам пришлось отпрыгнуть в стороны, иначе бы он нас раздавил. Дракон двигался вперед, ломая деревья, суставы его хрустели, ноги оставляли вмятины в земле.

Он направился прямо на муравейник. Поначалу мирмеки даже не поняли, что происходит. Дракон наступил на двух-трех, и от них осталось только мокрое место. Потом их телепатическая сеть, похоже, заработала, выдавая что-то типа: «Большой дракон! Дело плохо!» Все муравьи на полянке одновременно повернулись и набросились на дракона. Из муравейника появились новые сотни муравьев. Дракон дыхнул пламенем, и вся муравьиная шайка в панике бросилась назад. Кто мог знать, что муравьи легко воспламеняющиеся? Однако тут же появились новые.

— Давайте внутрь! — крикнула Аннабет. — Пока они тут все заняты драконом!

Силена бросилась вперед, и я впервые в жизни последовал в сражение за дочерью Афродиты. Мы бежали мимо мирмеков, но они не обращали на нас внимания. По какой-то причине они считали, что дракон для них — большая угроза. Поди их разбери, опять же.

Мы нырнули в ближайший туннель, и я чуть не задохнулся от вони. Ничто — поверьте мне, ничто — не пахнет хуже, чем берлога гигантских муравьев. Они, прежде чем начать жрать, зачем-то выдерживали пищу, пока та не протухнет. Нет, кому-нибудь нужно серьезно заняться ими и

научить пользоваться холодильником!

Мы плутали внутри по лабиринту темных туннелей и тронутых плесенью помещений, устланных сброшенными хитиновыми щитками, с лужицами сукровицы. Муравьи стремглав проносились мимо, торопясь на поле боя, а мы только сторонились, пропуская их. Слабый бронзовый отблеск моего меча помогал нам находить дорогу в темноте, по мере того как мы углублялись в их гнездо.

— Смотрите! — воскликнула Аннабет.

Я заглянул в боковую комнату, и мое сердце екнуло. С потолка свисали громадные липкие мешки — муравьиные личинки, насколько я понял, — но внимание мое привлекло не это. Пол этого помещения был сплошь усыпан золотыми монетами, драгоценными камнями и другими сокровищами — шлемами, мечами, музыкальными инструментами, ювелирными изделиями. Они сверкали, как сверкают волшебные предметы.

— А ведь это всего одна комната, — сказала Аннабет. — Тут, наверное, сотни таких кладовых с сокровищами.

— Это все не имеет значения! — отрезала Силена. — Мы должны найти Чарли.

Первый раз в жизни вижу, что дочь Афродиты не интересуют драгоценности!

Мы продолжали пробираться вперед. Еще двадцать футов — и мы попали в пещеру, где так ужасно воняло, что мне пришлось зажать нос. Тут, словно песчаные дюны, были навалены объедки — кости, куски гнилого мяса, даже остатки обедов из лагеря. Я думаю, муравьи навевывались в нашу мусорную яму и воровали оттуда недоеденную пищу. У основания одной из таких куч мы увидели Бекендорфа, который пытался подняться на ноги. Выглядел он ужасно отчасти и потому, что его камуфляжные доспехи имели теперь цвет помоев.

— Чарли! — Силена подбежала к нему и попыталась помочь встать.

— Слава богам, — слабо улыбнулся он. — У меня... ноги парализованы.

— Это пройдет, — сказала Аннабет. — Но мы должны вытащить тебя отсюда. Перси, бери его с другой стороны.

Мы с Силеной подняли Бекендорфа, и вчетвером тронулись в обратный путь по туннелям. Издалека до меня доносились звуки битвы — металлический треск, рев пламени, я слышал, как огрызались и плевались муравьи.

— Что там происходит? — спросил Бекендорф. Мышцы его

напряглись. — Дракон! Неужели вы реактивировали его?

— Боюсь, что так, — отозвался я. — Похоже, другого выхода у нас не было.

— Но нельзя просто так запустить автоматон. Нужно ведь откалибровать двигатель, провести диагностику... Иначе кто знает, что он тут наделает. Нам нужно поскорее выбраться отсюда!

Но оказалось, что нам никуда не нужно выбираться, потому что дракон сам пришел к нам. Мы пытались вспомнить, какой из туннелей ведет к выходу, когда весь муравейник взорвался, забросав нас землей. Внезапно мы оказались под открытым небом. Дракон был прямо над нами, он метался туда-сюда, растаптывая муравейник и пытаясь стряхнуть с себя мирмеков, облепивших все его тело.

— Вперед! — закричал я.

Мы стряхнули с себя комья и выбрались на склон муравейника, таща за собой Бекендорфа.

Наш друг дракон попал в переделку. Мирмеки вгрызались в сочленения на его броне, заплевывали тело автоматона кислотой. Дракон топал ногами, щелкал челюстями, но долго ему было не продержаться. От бронзовой шкуры поднимался пар.

Но еще хуже — несколько муравьев набросились на нас. Я так думаю, им не понравилось, что мы умыкнули у них обед. Я ударил клинком одного — и у него отскочила голова. Аннабет рубанула другого, удар пришелся точно между усиками. Когда лезвие из небесной бронзы пронзило муравьиный панцирь, муравей испарился.

— Пожалуй... пожалуй, я теперь сам смогу идти, — сказал Бекендорф, но как только мы его отпустили, рухнул лицом вперед.

— Чарли! — Силена помогла ему подняться и потащила дальше, а мы с Аннабет расчищали путь от муравьев.

Каким-то образом нам удалось добраться до края полянки, и нас никто не покусал и не рассек на части, хотя одна из моих кроссовок дымилась от кислоты.

Дракон на полянке зашатался. Над его броней поднималось облако кислотного тумана.

— Мы не можем оставить его в беде, — сказала Силена.

— Это слишком опасно, — печально произнес Бекендорф. — Его проводка...

— Чарли! — с мольбой в голосе воскликнула Силена. — Он же спас твою жизнь! Прощу тебя. Ради меня.

Бекендорф колебался. Лицо у него все еще было пунцовым от

муравьиной кислоты, а вид такой, будто он в любую минуту может упасть в обморок, но он, хотя и с трудом, удерживался на ногах.

— Приготовьтесь бежать, — сказал он нам, потом посмотрел в сторону полянки и закричал: — ДРАКОН! АВАРИЙНАЯ ЗАЩИТА, БЕТА-АКТИВИЗАЦИЯ!

Дракон повернулся на звук голоса. Он прекратил сражаться с муравьями, и глаза его засверкали. В воздухе запахло озоном, как перед грозой.

ЩЩЩЩЩЕЛК!

Из кожи дракона вырвались синие электрические молнии, они заплясали по всему его телу, поражая муравьев. Некоторые из них начали взрываться. Другие задымились и почернели, их ноги задергались. Через несколько секунд на драконе не осталось ни одного мирмека. Те, что были еще живы, в панике отступали, отходя к своему разрушенному муравейнику, а электрические разряды били по ним, как по мишеням, поторапливая и подгоняя.

Дракон торжествующе протрубил, а потом повернул к нам свои сияющие глаза.

— А теперь, — скомандовал Бекендорф, — берем ноги в руки!

На этот раз мы не кричали: «За Гефеста!» Мы кричали: «Помоги-и-и-ите!»

Дракон топал следом, плюясь огнем и испуская молнии над нашими головами, словно решил поразвлечься.

— Как его остановить? — крикнула на ходу Аннабет.

Бекендорф, чьи ноги теперь прекрасно работали (ничто так не излечивает больной организм, как догоняющий тебя громадный монстр), тряс головой и тяжело дышал.

— Нельзя было его включать! Он работает неустойчиво! После стольких лет простоя автоматы становятся как бешеные!

— Отличная новость! — прокричал я в ответ. — А как они выключаются?

Бекендорф оглянулся и заорал как сумасшедший:

— Вот оно!

Впереди торчала скала высотой с дерево. В лесу было полно всяких необычных скал, но этой я прежде не видел. Она имела форму гигантской горки для скейтборда, наклонной с одной стороны и с вертикальным обрывом с другой.

— Вы, ребята, бегите вокруг к основанию утеса, — велел

Бекендорф. — Отвлеките дракона. Пусть он будет занят!

— А ты что собираешься делать? — спросила Силена.

— Увидишь. Бегите!

Бекендорф нырнул за дерево, а я повернулся и закричал дракону:

— Эй ты, ящерица губастая! От тебя бензином воняет!

Дракон выдул из ноздрей клубы черного дыма. Тяжело топая, он припустил за мной. Земля сотрясалась.

— Давай! — Аннабет схватила меня за руку.

Мы побежали вокруг скалы, он за нами.

— Мы должны задержать его здесь, — сказала Аннабет.

Мы втроем обнажили мечи.

Дракон добежал до нас и резко остановился. Он наклонил голову, словно не мог поверить, что мы такие глупые и будем с ним драться. Теперь, когда он нас догнал, у него было столько способов нас прикончить, что он, вероятно, не мог выбрать подходящий.

Мы бросились врассыпную, и первый залп его огнемета оставил выжженную землю в том месте, где мы только что находились.

Потом я увидел над нами — на вершине утеса — Бекендорфа и понял, что он собирается делать.

Ему нельзя было ошибаться. Значит, дракона надо отвлечь.

— Йа-а-а! — завопил я и, обрушив Анаклузмос на ногу дракона, отрубил ему коготь.

Голова у автомата закричала, когда он выгнул шею, чтобы посмотреть вниз на меня. Он, казалось, больше недоумевал, чем сердился, типа: «Ты мне, что ли, пальчик отрубил?»

Потом он открыл пасть, обнажив сотню острых как бритва зубов.

— Перси! — предостерегающе крикнула Аннабет.

Но я не отступил.

— Еще секунда...

— Перси!

За мгновение перед тем, как дракон нанес ответный удар, Бекендорф спрыгнул с утеса и приземлился ему на шею.

Дракон отпрянул, извергая пламя и пытаясь стряхнуть с себя Бекендорфа, но тот держался как настоящий ковбой, хотя монстр брыкался, словно норовистый конь. Я зачарованно смотрел на Бекендорфа, который открыл панель у основания драконьего черепа и дернул провод.

Автомат мгновенно замер. Глаза его потускнели. Внезапно он превратился в неподвижную статую дракона, скалящегося в небо.

Бекендорф соскользнул вниз по драконьей шее и в изнеможении упал

у хвоста чудовища.

— Чарли! — Силена подбежала к нему и чмокнула в щеку. — Ты молодец!

Аннабет подошла ко мне и сжала мое плечо.

— Ну, Рыбы Мозги, как ты, в порядке?

— Да вроде того... — Я размышлял о том, насколько близок я был к тому, чтобы превратиться в паштет из полубога в драконьей пасти.

— Ты молодчина. — Улыбка у Аннабет была гораздо приятнее, чем у этого дурацкого дракона.

— И ты тоже, — нетвердым голосом сказал я. — Ну... так что мы будем делать с автоматом?

Бекендорф отер лоб. Силена все еще суежилась над его царапинами и синяками, и Бекендорф, казалось, ошалел от этого внимания.

— Мы... гмм... я не знаю, — сказал он. — Не исключено, что нам удастся его починить, чтобы он охранял лагерь, но на это может уйти несколько месяцев.

— Стоит попробовать, — согласился я, представив себе, как этот бронзовый дракон сражается на нашей стороне против одного из титанов — повелителя Кроноса.

Его монстры дважды подумают, прежде чем атаковать наш лагерь, если им придется сражаться с драконом. С другой стороны, если дракон впадет в безумие и накинется на наших ребят — это будет ой как нездорово.

— Вы видели все эти сокровища в муравейнике? — спросил Бекендорф. — Волшебное оружие? Доспехи? Вот эти штуки вполне могли бы нам пригодиться.

— И браслеты, — добавила Силена. — И ожерелья.

Я вздрогнул, вспомнив запах в этих туннелях.

— Я думаю, оставить это приключение на будущее. Да только чтобы приблизиться к этим сокровищам, нужна целая армия полукровок.

— Может быть, — мечтательно сказал Бекендорф. — Но какие там сокровища...

Силена разглядывала замершего дракона.

— Чарли, я в жизни не видела ничего храбрее этого твоего прыжка на дракона.

Бекендорф сглотнул и пробормотал:

— Гмм... да. Слушай, ты пойдешь со мной на фейерверк?

— Конечно, олух ты царя небесного! — Лицо Силены зарделось. — Я думала, ты меня никогда не пригласишь!

Бекендорф сразу заметно повеселел.

— Ну, тогда возвращаемся. Захват флага уже наверняка завершился.

Мне пришлось идти босиком, потому что кислота совершенно разъела мою кроссовку. Сбросив ее, я понял, что муравьиная жидкость пропитала мой носок, отчего нога у меня покраснела и распухла. Я оперся на Аннабет, и она помогла мне хромать по лесу.

Бекендорф и Силена шли впереди, держась за руки, и мы специально от них отстали.

Глядя на них и обнимая при этом Аннабет за плечо, я себя чувствовал довольно неловко. Я безмолвно проклинал Бекендорфа за его храбрость... я не имею в виду его прыжок на дракона. Понадобилось три года, чтобы он наконец решился пригласить Силену Боргард на свидание. Это было несправедливо.

— Знаешь, — сказала Аннабет, помогая мне передвигаться к лагерю. — Я видела в жизни и кое-что покруче.

Я моргнул. Она что, читает мои мысли?

— В смысле?

Аннабет ухватила меня за запястье, и мы кое-как перебрались через мелкий ручеек.

— Ты отвлекал дракона, чтобы у Бекендорфа появилась возможность прыгнуть на него, — вот это настоящая храбрость.

— Или настоящая глупость.

— Перси, ты храбрый парень, — твердо констатировала она. — Можешь принять это как комплимент. Честное слово, это ведь было не просто?

Мы посмотрели друг на друга. Наши лица были на расстоянии двух дюймов друг от друга. У меня возникло какое-то странное чувство, словно мое сердце пытается выпрыгнуть из груди.

— Ну, так... — сказал я. — Силена и Чарли, похоже, вместе идут на фейерверк.

— Похоже, — согласилась Аннабет.

— Ну да, — промямлил я. — Так это...

Не знаю, что бы я сказал, но в этот момент из кустов выскочила родня Аннабет из домика Афины с обнаженными мечами.

Стоило им увидеть нас, как их физиономии расплылись в улыбках.

— Отличная работа, Аннабет! — воскликнул один из них. — Давай упрячем этих двоих в тюрьму.

Я уставился на него.

— Что, игра еще не закончена?

Они рассмеялись.

— Пока еще нет... но теперь, когда мы вас захватили, конец уже близко.

— Да брось ты, парень, — возразил Бекендорф. — Нас тут завело совсем в другую степь. Тут был дракон, и на нас напал целый муравейник.

— Ой-ой-ой, — сказал другой паренек Афины, на которого это явно не произвело впечатления. — Аннабет, ты отлично поработала — отвлекла их. Высший класс. Ну, ты не возражаешь, если дальше пленников поведем мы?

Аннабет отстранилась от меня. Я был уверен, что она позволит нам свободно идти до границы, но она вытащила кинжал и, улыбаясь, направила острие на меня.

— Не-а, — сказала она. — Мы с Силеной сами разберемся. Пленные, вперед. Шевелитесь.

— Так ты все это спланировала? — Я поражение устался на нее. — Ты спланировала всю эту катавасию, чтобы вывести нас из игры?

— Перси, пораскинь мозгами, как я могла все это спланировать? Дракон, муравьи... ты думаешь, я могла все это предусмотреть?

Конечно, такое было маловероятно, но это же Аннабет! Она непредсказуема.

Потом они с Силеной посмотрели друг на дружку, и я увидел, что они с трудом сдерживают смех.

— Ты... ах ты, маленькая... — начал было я, но мне в голову никак не приходило подходящее слово, чтобы ее обругать.

Я, как и Бекендорф, всю дорогу до самой тюрьмы громко протестовал. Относиться к нам как к военнопленным после всего, что мы пережили, было несправедливо!

Но Аннабет с улыбочкой посадила нас под замок. Возвращаясь в строй, она повернулась и подмигнула мне.

— Встретимся на фейерверке?

Она даже не стала ждать моего ответа — кинулась в лес и исчезла за деревьями. Я посмотрел на Бекендорфа.

— Она что... пригласила меня?

Он пожал плечами. На его физиономии было написано разочарование.

— Кто их разберет, этих девчонок? Дайте мне сломанного дракона — тут я знаю, что к чему.

Так мы и сидели, дожидаясь, когда девчонки победят в этой игре.

Интервью с КОННОРОМ и ТРЕВИСОМ СТОУЛЛАМИ, сыновьями Гермеса

БРАТЬЯ СТОУЛЛ

Расскажите о вашем лучшем приколе над кем-нибудь из обитателей лагеря.

Коннор: Золотое манго!

Тревис: Да-а, братишка, это было незабываемо.

Коннор: Так вот, мы взяли манго и покрасили его из баллончика в золотой цвет, помнишь? Мы написали на нем: «Самому сексуальному» и оставили в домике Афродиты перед уроком стрельбы из лука. Когда они вернулись, стали из-за него драться, пытаюсь выяснить, кто из них суперсексуальный. Смехота!

Тревис: Картинка была — зашибись! Из окошка вылетали туфли от Гуччи. Детки Афродиты рвали друг на друге одежду, кидались губной помадой и всякими ювелирными цацками.

Коннор: Потом они наконец сообразили, что это наших рук дело, и пустились за нами в погоню.

Тревис: Вот это уже было не смешно. Я не знал, что они делают несмываемую косметику. У меня целый месяц видок был как у клоуна.

Коннор: Ну да. А на меня они наложили заклятие, и что бы я ни надевал, моя одежда была на два размера меньше, чем нужно... Короче, я чувствовал себя как полный идиот.

Тревис: Так ты и есть полный идиот!

Кого из ребят вы больше всего хотели бы иметь в своей команде при захвате флага?

Тревис: Моего братца. Потому что за ним нужен глаз да глаз.

Коннор: Моего братца. Потому что я ему не доверяю. А кроме него? Пожалуй, домик Ареса.

Тревис: Да, они сильные, и ими легко манипулировать. Идеальная компания.

Что самое интересное в жизни обитателей домика Гермеса?

Коннор: Тут ты никогда не бываешь в одиночестве. Нет, серьезно, постоянно приходят новые ребята. Так что тебе всегда есть с кем поговорить.

Тревис: Или над кем приколоться.

Коннор: Или у кого пошарить в карманах. Одна большая счастливая семья!

Интервью с КЛАРИССОЙ ЛА РУ, дочерью Ареса

КЛАРИССА

С кем тебе больше всего хотелось бы подраться в Лагере полукровок?

Кларисса: Да с кем угодно, лузер. Или ты имеешь в виду кого-то конкретно? Выбор богатый. Вот, например, этот новичок из домика Аполлона — Майкл Ю. Я бы не прочь сломать его лук о его же башку. Он считает, что Аполлон гораздо лучше Ареса, только потому, что они могут пользоваться дальнобойным оружием и, как трусы, стоять подальше от поля боя. А мне в любое время дай копье и щит — и я готова. Когда-нибудь, помани мои слова, я сотру в порошок этого Майкла Ю. и весь его домик.

Если не считать твоего отца, кто, по-твоему, самый храбрый бог или богиня в Совете олимпийцев?

Кларисса: К Аресу никто не осмеливается подойти, это точно, но я думаю, повелитель Зевс очень храбрый. Он ведь принял вызов Тифона и сражался с Кроносом. Хотя, конечно, легко быть храбрым, когда у тебя имеется арсенал из сверхмощных громов и молний. Это при всем моем уважении к нему.

Ты отомстила Перси за то, что он облил тебя водой в туалете?

Кларисса: Этот маленький стервец опять хвастался? Не верьте ему! Он преувеличивает. И можете мне поверить: месть уже не за горами. Скоро он об этом пожалеет. Чего я жду? Это моя стратегия. Я выжидаю подходящего момента, чтобы нанести удар. Я не боюсь, ясно? Если у кого-то на этот счет другое мнение, я ему зубы пересчитаю.

Интервью с АННАБЕТ ЧЕЙЗ, дочерью Афины

Если бы ты могла построить новое здание для Лагеря полукровок то что бы это было?

Аннабет: Я рада, что ты спросил об этом. Нам очень нужен храм. Вот мы — дети греческих богов, а у нас даже нет памятника нашим родителям. Я поставила бы его на холме к югу от Холма полукровок и сделала бы так, чтобы по утрам восходящее солнце светило в его окна и рисовало на полу символ одного из богов — каждый день разного. Сегодня орла, например, завтра сову. Там, конечно, были бы статуи всех богов и золоченые жаровни для огненных жертвоприношений. В храме была бы идеальная акустика, как в Карнеги-холле, чтобы там можно было устраивать концерты — играть на лирах и свирелях... Знаешь, я могла бы долго рассказывать, но ты уже, наверное, понял главное. Хирон говорит, что мы должны продать четыре миллиона грузовиков клубники, чтобы заработать денег на такой проект, но, я думаю, игра стоит свеч.

Кроме твоей матери, кто, по-твоему, самый мудрый бог или богиня в Совете богов?

Аннабет: Вау! Дай я подумаю... вообще-то олимпийцы не отличаются большим умом, и это при всем моем уважении к ним. Зевс по-своему мудр, конечно. Ну, то есть он вот уже четыре тысячи лет управляет семьей богов, а это нелегко. Он один раз даже Аполлона обхитрил — похитил у того скот, а Аполлон далеко не простак. Еще я всегда восхищалась Артемидой. Она никогда не поступается своими убеждениями. Она делает то, что считает нужным, и не тратит время на споры с другими богами в Совете. Она проводит больше времени в мире смертных, чем другие боги, а потому понимает, что там происходит. Но она принципиально не хочет иметь дело с парнями. Что ж, у каждого свои недостатки.

Из всех твоих друзей-полукровок с кем бы ты предпочла сражаться рука об руку?

Аннабет: С Перси, конечно. Тут вопросов нет. Да, иногда он просто невыносим, но он надежный парень. Храбрый и боец хороший. Обычно если он меня слушает, то побеждает в схватках.

Известно, что ты иногда называешь Перси «Рыбы Мозги». Какое его качество тебя больше всего раздражает?

Аннабет: Ну, ты же понимаешь, что я его так называю не за то, что он звезды с неба хватает. Нет, он вовсе не глуп. Он вообще-то довольно умный парень, но иногда ведет себя ужасно глупо. Может, он это делает, чтобы мне досадить. У него много хороших качеств. Он храбрый. У него есть чувство юмора. Он симпатичный... только не смей ему говорить, что я это сказала! Так, о чем это я? Да, у него много хороших качеств, но он такой... бестолковый. Вот именно бестолковый. То есть он иногда не видит очевидных вещей, не понимает, что чувствуют другие, хотя ты ему вроде и намекаешь. И у него вульгарный вкус. Что? Нет, я не говорю ни о ком и ни о чем конкретно. Я высказываюсь вообще. Почему все думают, что... а, ладно, забудь об этом.

Интервью с ГРОУВЕРОМ УНДЕРВУДОМ, сатиром

Какая у тебя любимая мелодия для свирели?

Гроувер: Любимая? Ты меня немного смутил. Меня тут как-то одна ондатра попросила исполнить «Любовь ондатры». Ну... я это дело выучил, и, должен признаться, мне нравится ее играть. Откровенно говоря, эта песня больше не про ондатр! Это очень душевная любовная история. У меня каждый раз, как я ее играю, слезы в глазах. И у Перси тоже. Но вообще-то, я думаю, это потому, что он надо мной смеется.

Кого бы тебе меньше всего хотелось встретить в темном закоулке — циклопа или мистера Д.?

Гроувер: Бла-бла-бла! Это что еще за вопрос? Ну что ж... Я бы, конечно, предпочел встретить мистера Д., потому что он такой... гм, милый. Да, добрый и щедрый ко всем сатирам. Мы все его любим. И я говорю это не потому, что он всегда подслушивает и разорвал бы меня на куски, если бы я сказал что-то другое.

Как по-твоему, какое место в Америке самое красивое?

Гроувер: Удивительно, что тут еще сохранились красивые места, но мне нравится Лейк-Плэсид на севере штата Нью-Йорк. Очень здорово там, в особенности зимой! А какие там дриады — вау! Постой-ка, ты можешь это вычеркнуть? Можжевелка меня убьет.

А что, жестяные банки действительно такие вкусные?

Гроувер: Моя старая бабушка коза бывало говорила: «Кто две банки в день сжует, тот на монстра наплюет». Много минералов, очень питательно, отличная консистенция. Что же тут может не нравиться? Если человеческие зубы не приспособлены для такой тяжелой работы, то я тут ни при чем.

Интервью с ПЕРСИ ДЖЕКСОНОМ, сыном Посейдона

Что тебе больше всего нравится летом в Лагере полукровок?

Перси: То, что я встречаюсь с друзьями, конечно. Так здорово вернуться в лагерь после окончания учебного года.словно к себе домой возвращаешься. В первый летний день идешь по лагерю и видишь: Коннор и Тревис тырят что-то со склада. Силена спорит с Аннабет, пытается ее переубедить, а Кларисса засовывает головы новичков в унитазы. Хорошо, что есть вещи, которые не меняются.

Ты ходил в несколько разных школ. Что самое трудное в роли новенького?

Перси: Заработать себе репутацию. Я хочу сказать, все хотят привести тебя к какому-то знаменателю. То ли ты ботаник, то ли ты качок, то ли еще кто. Ты должен сразу дать им понять, что ты не из тех, кого можно безнаказанно задирают, но в то же время ты не должен выставить себя полным нулем. Но я, наверное, не лучший человек для таких советов. Ни одного года не проходит, чтобы меня не выгоняли из школы или чтобы я чего-нибудь не взорвал.

Если бы ты был вынужден променять свой меч Анаклузмос на какую-нибудь другую волшебную штуку, что бы ты выбрал?

Перси: Трудный вопрос, потому что я очень привык к Анаклузмосу. Не могу себе представить, что у меня нет моего меча. Ну, я думаю, было бы здорово обзавестись комплектом доспехов, которые превращались бы в обычную одежду. Носить доспехи — такая морока. Они тяжелые. В них жарко. И знаешь, тут дело вовсе не в моде. Так что иметь одежду, которая превращалась бы в доспехи, было бы классно. Но я не уверен, что я променяю на это свой меч.

У тебя в жизни было немало трудных моментов, но какой из них самый-самый?

Перси: Знаешь, пожалуй, моя первая схватка с Минотавром на Холме полукровок... потому что я не понимал, что же такое, черт возьми, происходит. В то время я даже не знал, что я полубог. Я думал, что навсегда потерял маму... Представляешь, с неба бьют молнии, на меня прет этот громадный бык, а где-то рядом в травке валяется Гроувер и мычит: «Еды! Еды!» Ну, я тебе скажу — это был настоящий кошмар!

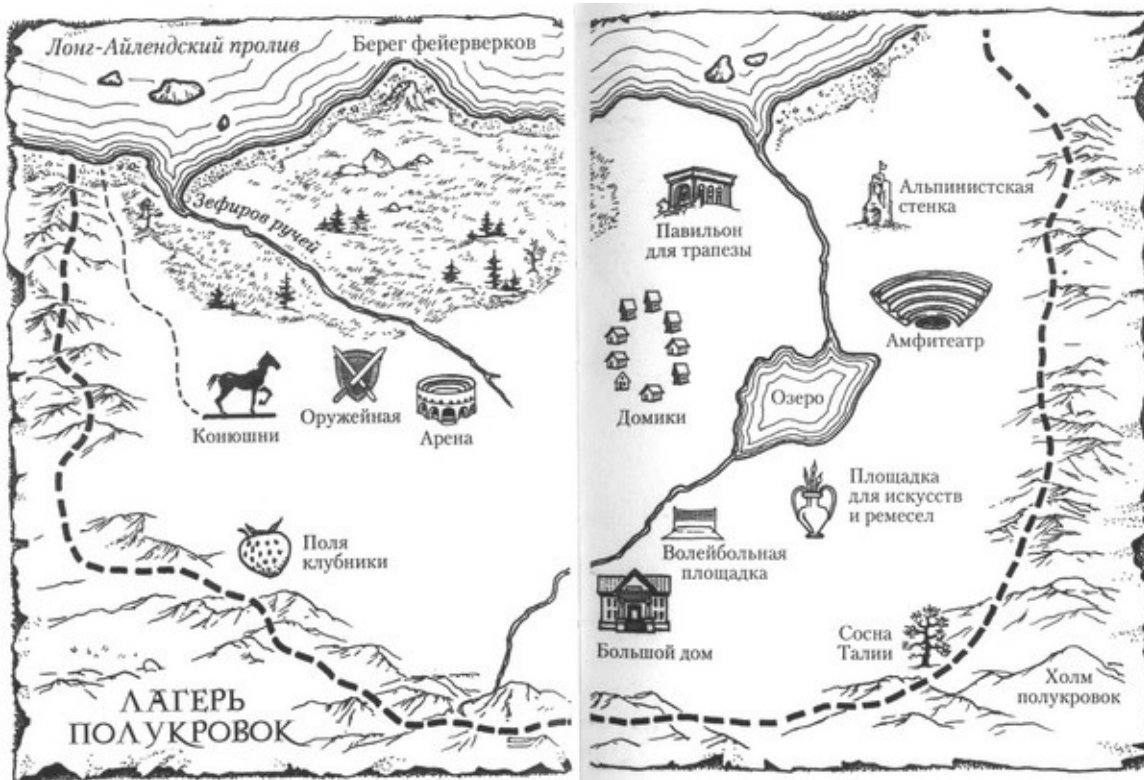
Дай какой-нибудь совет ребятам, которые подозревают, что и они могут оказаться полукровками.

Перси: Хотелось бы, чтобы ты ошибался. Нет, серьезно, читать об этом, может, и прикольно, но это плохая новость. Если ты и в самом деле считаешь, что ты полубог, то поскорее найди сатира. Обычно их хватает в любой школе. Они так необычно смеются и едят что ни попадя. У них может быть странная походка, потому что они пытаются спрятать копытца внутри фальшивых ног. Найди сатира в своей школе и заручись его поддержкой. Ты должен сразу же отправиться в Лагерь полукровок. Но опять же, поверь, тебе вовсе ни к чему быть полубогом. *Не пытайся* проделать это дома.

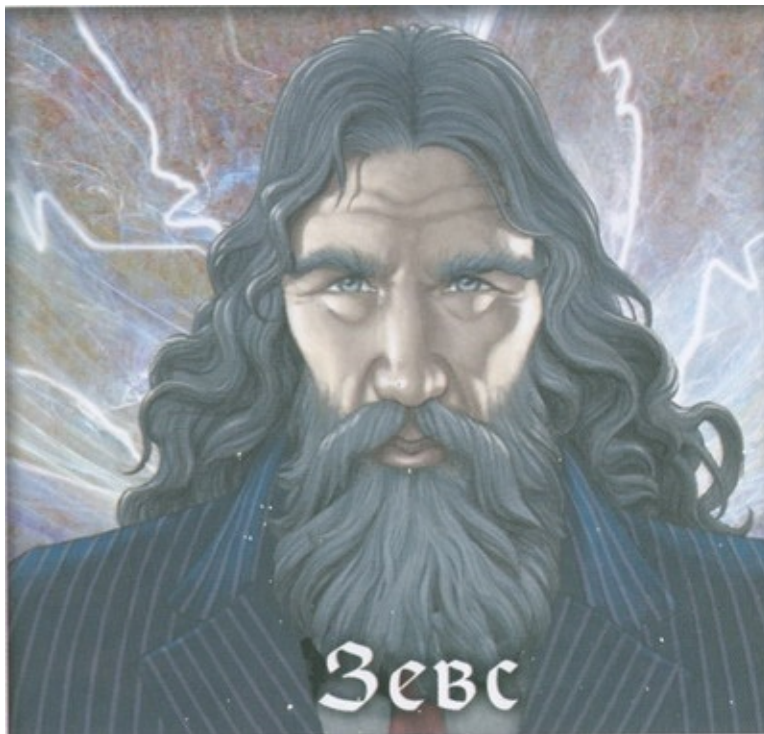
КАРТА ЛАГЕРЯ ПОЛУКРОВОВ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

БОГИ И ПОЛУБОГИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ТАКЖЕ ИЗВЕСТЕН КАК

Повелитель Небес

Владыка горы Олимп

Один из Большой Тройки

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ

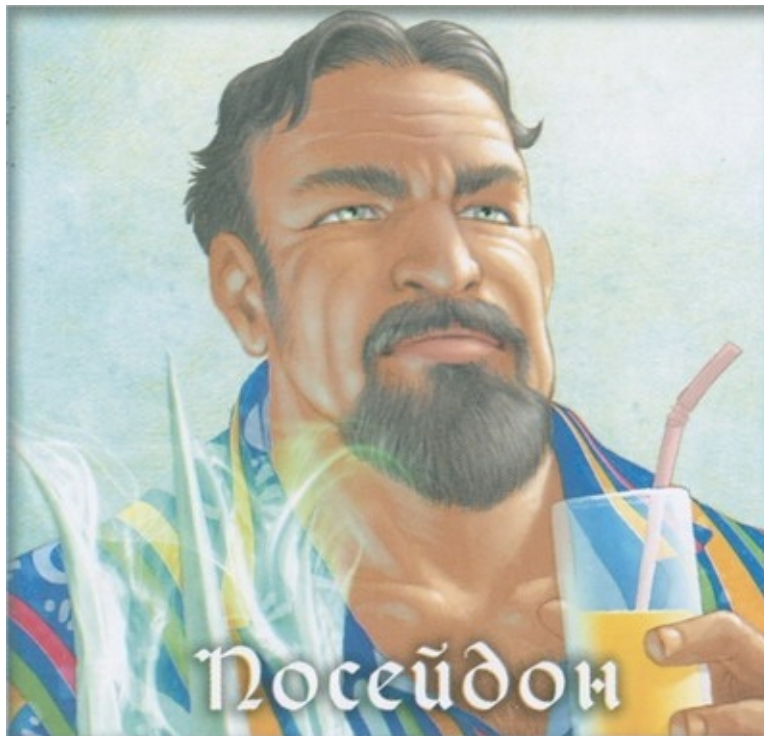
Гора Олимп

(теперь находится на 600-м этаже

Эмпайр-стейт-билдинг)

ОРУЖИЕ ПО ВЫБОРУ

Жезл, извергающий молнии

ТАКЖЕ ИЗВЕСТЕН КАК

Бог Морей

Один из Большой Тройки

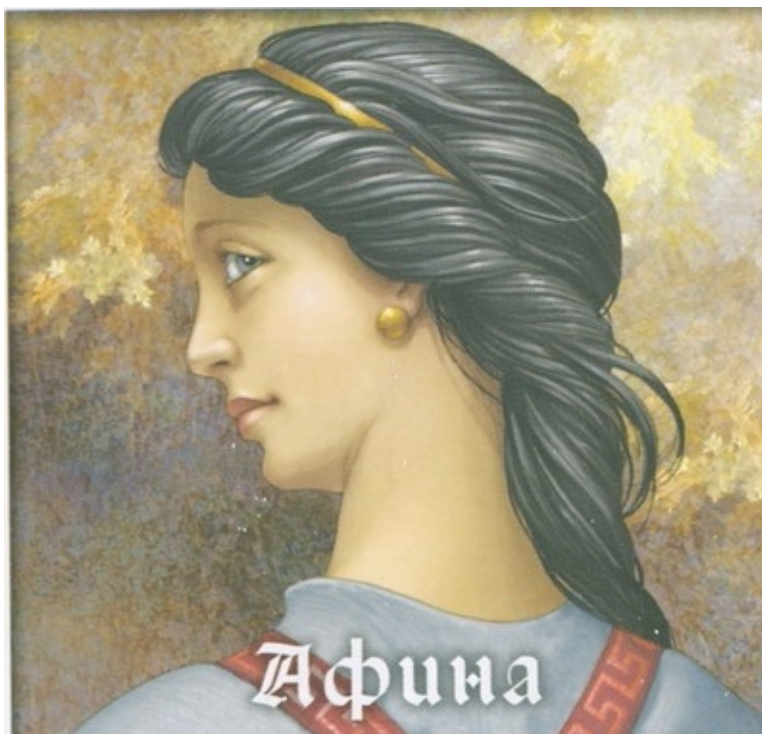
Отец Перси

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ

Морские Глубины

ОРУЖИЕ ПО ВЫБОРУ

Трезубец

ТАКЖЕ ИЗВЕСТНА КАК

Богиня Мудрости и Войны

Мать Аннабет

МЕСТО РОЖДЕНИЯ

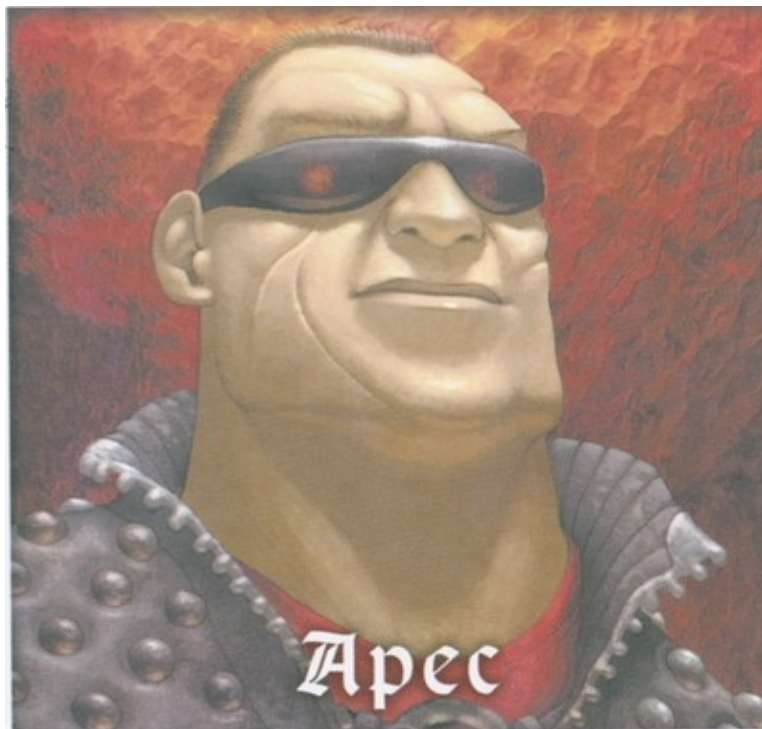
Голова Зевса, откуда она появилась

в полном боевом снаряжении

ОРУЖИЕ ПО ВЫБОРУ

Стратегия, хитрость и все,

что подвернется под руку

ТАКЖЕ ИЗВЕСТЕН КАК

Бог Войны

Отец Клариссы

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ

Гора Олимп

(хотя на бампере его мотоцикла написано:

«Я не родился в Спарте, но устремился сюда

на всех парах»)

ОРУЖИЕ ПО ВЫБОРУ

Назови любое — он им воспользуется

ТАКЖЕ ИЗВЕСТЕН КАК

Полубог, сын Посейдона

Рыбы Мозги

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ

Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

ОРУЖИЕ ПО ВЫБОРУ

Анаклузмос

ТАКЖЕ ИЗВЕСТНА КАК

Полубог, дочь Афины

Умница-разумница

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ

Сан-Франциско, штат Калифорния

ОРУЖИЕ ПО ВЫБОРУ

Волшебная бейсболка «Янкиз»,

делающая ее невидимой

Кинжал из небесной бронзы

ТАКЖЕ ИЗВЕСТЕН КАК

Козленок

Лучший друг Перси

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ

Лес вблизи Лагеря полукровок

ПРЕДПОЧИТАЕМОЕ ОРУЖИЕ

Свирель из тростника

ТАКЖЕ ИЗВЕСТЕН КАК

Мистер Браннер

Бессмертный учитель героев

Заместитель директора Лагеря полукровок

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ

Лагерь полукровок, Лонг-Айленд,

штат Нью-Йорк

ОРУЖИЕ ПО ВЫБОРУ

Лук и стрелы

ПЕРСИ ДЖЕКСОН И МЕЧ АИДА

Провести Рождество в Царстве мертвых — это была НЕ МОЯ идея.

Если бы я знал, что там меня ждет, то сказался бы больным. Так я смог бы избежать встречи с целой армией демонов, схватки с титаном и обмана, из-за которого я и мои друзья чуть навсегда не угодили в объятия вечной тьмы.

Но нет, мне пришлось сдавать этот дурацкий экзамен по английскому языку. И вот в последний день зимнего семестра я сижу в школьном классе вместе с другими новичками и пытаюсь закончить работу по «Повести о двух городах»,^[4] сочинение типа «я эту книгу сроду не читал, но верчусь тут как уж на сковородке — попробуй меня подловить». И тут появляется Миссис О'Лири и лает как сумасшедшая.

Миссис О'Лири — это моя собачка, адская гончая. Этакое мохнатое черное чудище размером с «хаммер», с клыками как бритва, с когтями словно из стали и сверкающими красными глазами. Она вообще-то душка, но обычно остается в Лагере полукровок, нашем подготовительном центре для полубогов. Я немного удивился, увидев ее в классе, — скачет себе по елочкам, по эльфам Санта-Клауса и всей этой остальной новогодней мишуре, приготовленной к празднику.

Все подняли головы. Я был уверен, одноклассники сейчас ударятся в панику и понесутся к выходу, но они только принялись фыркать и смеяться. Две-три девчонки проговорили: «Ну просто класс!»

Наш учитель английского, доктор Скуко (не шучу — это его настоящее имя), поправил очки и нахмурился.

— Ну, — сказал он, — и чей это пудель?

Я облегченно вздохнул. Спасибо богам за Туман — волшебную завесу, которая не дает людям видеть вещи в их истинном свете. Я и раньше не раз видел, как этот Туман искажает реальность, но чтобы Миссис О'Лири выставить пуделем? Да, это впечатляло.

— Это мой пудель, сэр. — Я поднялся со своего места. — Извините! Наверное, он прибежал за мной.

Кто-то у меня за спиной начал насвистывать «У нашей Мэри был баран...». ^[5] Раздались новые смешки.

— Прекратить! — рявкнул мистер Скуко. — Перси Джексон, это семестровый экзамен. Я не позволю, чтобы здесь разгуливали пудели...

— ГАВ! — Лай Миссис О'Лири сотряс помещение класса.

Она махнула хвостом, уронив еще пару эльфов. Потом, присев на передние лапы, уставилась на меня, давая понять, что я должен следовать за ней.

— Я ее уведу отсюда, доктор Скуко, — сказал я. — Я все равно уже закончил.

Я закрыл тетрадь и побежал к учительскому столу. Миссис О'Лири поскакала к выходу, а я — за ней, ребята в классе смеялись и кричали мне вслед: «Пока, мальчик с собачкой!»

Миссис О'Лири галопом помчалась по 81-й Восточной улице к реке.

— Эй, не спеши! — закричал я. — Куда ты понеслась?

На меня недоуменно поглядывали прохожие, но это был Нью-Йорк, и мальчишка, бегущий за пуделем, — не самое странное из того, что им доводилось здесь видеть.

Миссис О'Лири далеко оторвалась от меня. Время от времени она поворачивала голову и лаяла, словно говоря: «Пошевеливайся, черепаха!» Она пробежала три квартала на север и влетела прямо в парк Карла Шурца. Когда я догнал ее, гончая перепрыгнула через металлическую ограду и исчезла в стенке из стриженных декоративных кустов, засыпанных снегом.

— Эй, ты где? — позвал я.

Я не успел захватить пальто в школе, и мне уже было холодно, но я все же перебрался через ограду и нырнул в замерзшие кусты. По другую сторону кустарника находилась полянка — пол-акра прихваченной изморозью травы в окружении голых деревьев.

Миссис О'Лири махала хвостом как сумасшедшая и приняхивалась. Но я не заметил ничего необычного. Передо мной лениво текли стальные воды Ист-Ривер. Крыши Квинса покоились под белыми одеялами. Сзади, холодный и безмолвный, громоздился Верхний Ист-Сайд.

Вдруг, я так и не понял почему, по спине у меня побежал холодок страха. Я вытащил мою магическую шариковую ручку и снял колпачок. Она немедленно увеличилась в размерах и превратилась в бронзовый меч Анаклузмос, его лезвие слабо мерцало в зимнем свете.

Миссис О'Лири вскинула голову. Ноздри у нее подрагивали.

— В чем дело, девочка? — прошептал я.

Кусты зашелестели, и из них выпрыгнул золотой олень. Когда я говорю «золотой», я не имею в виду «желтый». У животного был металлический мех и рога, по виду явно пятьсот двадцать пятой пробы. Они излучали золотистый свет, и смотреть на них глазам было больно. Ничего красивее я в жизни не видел.

Миссис О'Лири облизнула губы, словно подумала о бифштексе из оленины. Потом в кустах снова раздался шорох, и на полянке появилась фигура в куртке с капюшоном, в руках она держала натянутый лук со стрелой.

Я поднял меч. Девчонка прицелилась в меня, но потом замерла.

— Перси? — Она сбросила с головы серебристый капюшон. Ее черные волосы были длиннее, чем мне запомнилось, но я знал эти ярко-голубые глаза и серебряную тиару — знак первой помощницы Артемиды.

— Талия! — изумился я. — Ты что здесь делаешь?!

— Преследую золотого оленя, — ответила она так, словно это было само собой разумеющимся. — Священное животное Артемиды. Я решила, это что-то вроде знака. И вот... гмм... — Она нервно кивнула в сторону Миссис О'Лири. — Ты мне не скажешь, что эта тварь здесь делает?

— Это моя собачка... Миссис О'Лири... Нет, не смей!

Миссис О'Лири обнюхивала оленя, делая это довольно запанибратски. Олень боднул адскую гончую в нос, и скоро эта парочка принялась играть на полянке в догоняшки.

— Перси... — Талия нахмурилась. — Это не может быть простым совпадением. Чтобы мы с тобой оказались в одном месте и в одно время?..

Она была права. С полукровками совпадений вообще не случается. Раньше Талия была моим хорошим другом, но я ее больше года не видел, и вдруг нате вам — ни с того ни с сего...

— Тут вмешался какой-то бог, — высказал я предположение.

— Возможно.

— Но, так или иначе, я рад тебя видеть.

— Да. — Она улыбнулась мне, но без особой радости на лице. — Если мы выберемся из этой переделки целыми и невредимыми, я куплю тебе чизбургер. Как поживает Аннабет?

Прежде чем я успел ответить, солнце скрылось за тучей. Золотой олень замерцал и исчез, а Миссис О'Лири осталась в одиночестве облаивать кучу опавших листьев.

Я взял меч на изготовку. Талия подняла лук. Мы инстинктивно встали спина к спине.

На полянку опустилась тень, и из нее вывалился мальчишка, так, словно его сбросили сюда с высоты. Он приземлился в траве прямо у наших ног.

— Ух ты, — пробормотал мальчишка, отряхивая свою пилотскую куртку.

На вид ему было лет двенадцать — черные волосы, джинсы, черная

футболка и серебряный перстень с черепом на правой руке. На боку у него висел меч.

— Нико? — пробормотал я.

Глаза Талии расширились.

— Маленький брат Бьянки?

Нико насупился. Вряд ли ему понравилось, что его называли маленьким братом. Его сестра, охотница Артемиды, умерла несколько лет назад, и упоминание о ней для него до сих пор было болезненным.

— Вы зачем меня сюда притащили? — проворчал он. — Только что я стоял на кладбище в Новом Орлеане, а тут раз... Это что — Нью-Йорк? Что, во имя Аида, я делаю в Нью-Йорке?

— Мы тебя сюда не тащили, — сказал я. — Мы... — тут меня аж дрожь пробрала, — нас кто-то здесь собрал. Втроем.

— Что это ты такое говоришь? — удивился Нико.

— Дети Большой тройки, — напомнил я. — Зевса, Посейдона, Аида.

— Пророчество. — У Талии перехватило дыхание. — Неужели ты думаешь, что Кронос...

Она не закончила свою мысль. Мы все знали про великое пророчество: грядет война между богами и титанами, и ребенок одного из трех основных богов, когда ему исполнится шестнадцать, примет решение, которое спасет или уничтожит мир. Речь шла о ком-то из нас. В последние годы повелитель титанов Кронос пытался манипулировать каждым из нас в отдельности... Может быть, он, сведя Нико, Талию и меня вместе, задумал какую-то пакость? Земля задрожала.

Нико вытащил свой меч — черный клинок из стигийской стали. Миссис О'Лири прыгнула вперед и тревожно залаяла.

Я слишком поздно понял, что она пытается предупредить меня.

Земля под нами разверзлась, и мы все втроем провалились в темноту.

Я думал, что падение никогда не кончится или, возможно, в завершении спуска я превращусь из полубога в этакий полубожественный блинчик... Но вдруг я, Талия и Нико оказались в каком-то саду, вопя от страха, отчего я сразу почувствовал себя довольно глупо.

— Что... где мы? — пробормотала Талия, взяв себя в руки.

В саду было темно. Слабо поблескивали ряды серебряных цветов, отражая свет громадных драгоценных камней, воткнутых по краям газона, — алмазов, сапфиров и рубинов размером с футбольный мяч. Над нами нависали кроны деревьев, на ветках виднелись оранжевые цветы и плоды, издающие приятный запах. Воздух был прохладный и влажный — в

Нью-Йорке зимой такого не бывает. Больше похоже на пещеру.

— Я уже был здесь раньше, — сказал я.

Нико сорвал с дерева гранат.

— Это сад моей мачехи Персефоны. — Он сделал кислую физиономию и бросил плод. — Ничего здесь не ешьте.

Дважды повторять ему не пришлось — укусишь один раз плод в Царстве мертвых и навсегда останешься там.

— Атас! — крикнула Талия.

Я повернулся и увидел, что она целится из лука в высокую женщину в белом платье.

Поначалу я решил, что эта женщина — призрак. Ее платье клубилось вокруг ее фигуры наподобие дыма. Длинные черные волосы развивались и кудрявились, словно невесомые. Лицо у нее было прекрасным, но смертельно бледным.

И тут я понял, что платье у нее не белое. На нем переливались самые разные изменяющиеся краски — на ткани распускались красные, синие и желтые бутоны, сама же она была странно блеклой, так же как и глаза женщины... многоцветные, но какие-то размытые, словно подземный мир высосал из нее все жизненные соки. Я подумал, что в наземном мире она красивая, и даже необыкновенно красивая.

— Меня зовут Персефона, — сказала женщина тихим, слабым голосом. — Добро пожаловать, полубоги.

Нико раздавил гранат подошвой ботинка.

— Добро пожаловать? После того, что случилось в последний раз, ты имеешь наглость говорить мне «добро пожаловать»?

Я неловко переступил с ноги на ногу — разговаривать в таком тоне с богами чревато неприятностями, от тебя могут остаться одни воспоминания.

— Эй, Нико...

— Все в порядке, — холодно сказала Персефона. — У нас была небольшая семейная ссора.

— Семейная ссора? — воскликнул Нико. — Да ты же превратила меня в одуванчик!

Персефона предпочла проигнорировать слова пасынка.

— Итак, полубоги, добро пожаловать в мой сад.

— Это ты послала золотого оленя? — Талия опустила лук.

— И адскую гончую, — призналась богиня. — И ту тень, что доставила к вам Нико. Необходимо было собрать вас вместе.

— Для чего? — спросил я. Персефона посмотрела на меня, и у меня

возникло такое ощущение, будто в моем желудке расцветают маленькие ледяные бутончики.

— У повелителя Аида возникла проблема, — сказала она. — И если вы понимаете, что для вас благо, вы ему поможете.

Мы сидели на темной веранде, выходящей в сад. Рабыни Персефоны принесли еду и напитки, но никто из нас к ним не прикоснулся. Рабынь можно было бы назвать красивыми, не будь они мертвы. На них были желтые платья, венки из маргариток и болиголова. Они смотрели пустым взглядом и говорили чирикающими голосами теней.

Персефона села на серебряный трон и принялась нас разглядывать.

— Если бы сейчас стояла весна, я смогла бы принять вас, как это полагается в надземном мире. К сожалению, зимой это все, что я могу сделать.

В голосе ее слышалась горечь. Хотя с тех пор прошли тысячелетия, но, я думаю, Персефона все равно не очень-то радовалась тому, что половину года ей приходится проводить в царстве Аида. Она была такой бледной и казалась настолько чужой для этого места, будто старая фотография давно ушедшей весны.

Богиня повернулась ко мне, словно читая мои мысли.

— Аид — мой муж и господин, юноша. Я для него готова на что угодно. Но в данном случае мне нужна ваша помощь. И быстро. Это связано с мечом повелителя Аида.

Нико нахмурился.

— У моего отца нет меча. В бою он пользуется посохом и своим шлемом ужаса.

— Раньше у него не было меча, это верно, — поправила его Персефона.

— Он что, кует новый символ власти? — Талия вскинула голову. — Без разрешения Зевса?

Богиня весны указала рукой на замерцавшее над столом изображение: горн, из которого вырываются черные клубы пламени, и скелеты-кузнецы, колдующие над оружием. В руках у них были молоты в форме черепов, ими они расплющивали кусок металла до толщины клинка.

— Война с титанами может начаться в любой момент, — сказала Персефона. — Мой господин Аид должен быть готов.

— Но Зевс и Посейдон никогда не позволят Аиду выковать новое оружие! — возразила Талия. — Это нарушит равновесие сил, установленное их соглашением.

Персефона покачала головой.

— Ты хочешь сказать, что это сделало бы Аида равным им по силе? Поверь мне, дочь Зевса, повелитель мертвых не строит козни против своих братьев. Он знал, что они его не поймут, поэтому и стал ковать меч втайне.

Изображение над столом мерцало. Кузнец-зомби поднял клинок, все еще красный от жара. У основания меча было что-то странное — не драгоценный камень. Скорее...

— Это ключ? — спросил я.

Нико издал некий звук, словно подавлял рвоту.

— Ключи Аида?

— Постойте, — сказала Талия. — Что такое ключи Аида?

— У Аида есть набор золотых ключей, которые могут запирасть и отпирать смерть. — Нико стал еще бледнее, чем его мачеха. — По крайней мере, так гласит легенда.

— Это правда, — кивнула Персефона.

— А как можно отпирать и запирасть смерть? — спросил я.

— Эти ключи способны запирасть душу в подземном мире, — пояснила богиня. — Или отпустить ее.

— Если один из этих ключей вделан в меч... — Слова застряли у Нико в горле.

— Тот, кто им владеет, может поднимать мертвых, — проговорила Персефона. — Или убивать все живое и отправлять его душу в Царство мертвых одним прикосновением клинка.

Мы все погрузились в молчание. В углу журчал тенистый фонтан. Вокруг нас неслышно двигались рабыни, предлагая подносы с фруктами и сладостями, которые навсегда приковали бы нас к подземному царству.

— Какой коварный меч, — сказал я наконец.

— Аида с этим мечом будет не остановить, — согласилась Талия.

— Теперь вы понимаете, почему вы должны помочь вернуть его, — вздохнула Персефона.

— Ты сказала «вернуть»?! — Я уставился на нее.

Глаза Персефоны были прекрасными и убийственно мрачными, как ядовитые цветы.

— Клинок украли, когда он был почти готов. Я не знаю, как это случилось, но я подозреваю одного полубога, слугу Кроноса. Если меч попадет в руки повелителя титанов...

— Ты позволила выкрасть меч! — Талия вскочила на ноги. — Что за глупость! Кронос уже, наверное, завладел им!

Стрелы Талии превратились в розы на длинных стеблях, а ее лук — в

куст жимолости с белыми и золотыми цветами.

— Остерегись, охотница! — предупредила ее Персефона. — Пусть твой отец сам Зевс, а ты — помощница Артемиды, но я не позволю тебе говорить со мной неуважительно в моем собственном дворце.

Талия заскрежетала зубами.

— Верни... мне... мой... лук.

Персефона взмахнула рукой. Лук и стрелы снова обрели свой обычный вид.

— А теперь сядь и слушай меня. Меч пока не покинул Царство мертвых. Повелитель Аид с помощью оставшихся у него ключей запечатал подземный мир. Ничто не может ни выйти, ни войти, пока он не отыщет меч, а он использует все свои возможности, чтобы обнаружить похитителя. Талия неохотно села.

— Тогда зачем тебе нужны мы?

— Поиски меча — дело необычное. Мы заперли царство, но не сообщили, почему сделали это. К тому же слуги Аида не могут быть задействованы в поисках. Им нельзя знать о существовании меча, пока его изготовление не завершено. И уж конечно, им нельзя сообщить о том, что меч пропал.

— Если они решат, что Аид попал в беду, то могут бросить его, — высказал предположение Нико. — Бросить и присоединиться к титанам.

Персефона не ответила, но если у богинь бывает взвинченный вид, то именно такой вид и был у супруги Аида.

— Украл его, вероятно, полубог. Ни один бессмертный не может красть напрямую у другого бессмертного. Даже Кронос должен подчиняться древним законам. Где-то здесь у него есть его сторонник. И чтобы поймать полукровку, мы воспользуемся услугами трех других полубогов...

— Но почему мы? — спросил я.

— Вы — дети трех главнейших богов. Кто сможет противостоять вашим объединенным усилиям? И потом, когда вы вернете меч Аида, то пошлете сообщение на Олимп. Зевс и Посейдон не будут возражать против того, чтобы Аид получил новое оружие, если ему вручат его их собственные дети. Это продемонстрирует ваше доверие к Аиду.

— Но я ему не доверяю, — отрезала Талия.

— И я тоже, — согласился я. — С чего это мы должны стараться ради Аида? И уже тем более снабжать его супероружием? Правильно я говорю, Нико?

Нико уперся взглядом в стол. Его пальцы выстукивали дробь по

рукояти стигийского меча.

— Ну ведь верно, Нико? — подсказал ему я.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы перевести взгляд на меня.

— Я должен это сделать, Перси. Он мой отец.

— Ни в коем случае, — возразила Талия. — Не можешь же ты считать, что это хорошая затея!

— А ты предпочтешь, чтобы меч оказался в руках Кроноса?

Да, это был веский аргумент.

— Время уходит, — напомнила Персефона. — У похитителя меча в Царстве мертвых могут быть сообщники, и он будет искать выход отсюда.

Я нахмурился.

— Ты вроде бы сказала, что Царство мертвых заперто?

— Ни одна тюрьма не бывает неприступной, даже Царство мертвых. Души всегда находят новые пути отсюда быстрее, чем Аид успевает их запереть. Вы должны вернуть меч, прежде чем он покинет наше царство. Иначе все пропало.

— Даже если бы мы согласились, — проворчала Талия, — то как мы найдем похитителя?

На столе появилось растение в горшке — хилая желтая гвоздичка с несколькими зелеными листочками. Цветок скособочился, словно пытался найти хотя бы лучик солнца.

— Он будет указывать вам направление, — сказала богиня.

— Волшебная гвоздика?

— Этот цветок всегда поворачивается в сторону вора. Если ваша добыча начнет приближаться к выходу из Царства мертвых, то лепестки станут опадать.

И, словно услышав ее, один желтый лепесток посерел и, порхая, упал на землю.

— Если лепестки опадут, цветок умрет, — заключила Персефона. — Это будет означать, что вор добрался до выхода, а вы упустили его.

Я посмотрел на Талию. Ей вся эта затея с поисками вора с помощью цветка, похоже, не улыбалась. Потом я взглянул на Нико. И, к сожалению, увидел на его лице знакомое выражение. Я хорошо помнил это желание — сделать так, чтобы твой отец гордился тобой, даже если этого отца трудно полюбить. В данном случае — по-настоящему трудно.

Нико должен был это сделать — с нами или без нас. И я не мог отпустить его одного.

— Одно условие, — сказал я Персефоне. — Аид должен поклясться водами реки Стикс, что он никогда не поднимет этот меч против других

богов.

Богиня пожала плечами.

— Я ведь не владыка Аид. Но я уверена, что он это сделает — в качестве платы за вашу помощь.

С гвоздики упал еще один лепесток.

Я повернулся к Талии:

— Пока ты будешь сражаться с вором, я подержу цветок. Договорились?

— Отлично, — вздохнула она. — Ну, пошли, найдем этого клоуна.

Царство мертвых не слишком соответствовало духу наступающего Рождества. Мы топали по дворцовой дороге в Поля асфodelей, и все было почти как в мое прошлое посещение, то есть сильно действовало на нервы. Куда ни кинешь взгляд — желтая трава и чахлые черные тополя. Между холмами бесцельно двигались какие-то тени, они приходили из ниоткуда и уходили в никуда, болтали друг с другом, пытаюсь вспомнить, кем они были при жизни. Высоко над нами отливало чернотой свод подземелья.

Я нес горшок с гвоздикой и чувствовал себя из-за этого очень глупо. Нико шел впереди, потому что его меч мог рассеять любую толпу мертвецов. Талия всю дорогу ворчала, что не стоило ей отправляться на дело с парой мальчишек.

— Тебе не показалась, что Персефона немного взвинчена? — спросил я.

Нико продрался через сборище призраков, разогнав их стигийской сталью.

— Она всегда себя так ведет, когда я появляюсь. Она меня ненавидит.

— Тогда почему она тебя включила в этот поиск?

— Вероятно, идея моего папочки.

Мне показалось, что он говорит искренне, но уверен я не был.

Странно, что Аид сам не обратился к нам. Если этот меч был для него так важен, то почему он предоставил вести разговор Персефоне? Обычно повелитель мертвых предпочитал лично припугнуть полукровок.

Нико пробирался вперед. Какой бы многочисленной ни была толпа на Полях асфodelей (а если вы когда-нибудь видели Таймс-сквер в канун Нового года, то у вас есть представление о том, что такое многочисленная толпа), духи расступались перед ним.

— Он умеет разбираться с зомби, — признала его способности Талия. — Пожалуй, когда в следующий раз пойду в супермаркет, возьму его с собой.

Она крепко сжимала в руках лук, словно опасаясь, что тот снова превратится в жимолость. Талия почти не повзрослела по сравнению с прошлым годом, и мне вдруг пришло в голову, что она навсегда останется такой, теперь, когда она стала охотницей. Это означало, что я старше ее. Чудно.

— Ну, — сказал я, — как это тебе — быть бессмертной?

Она закатила глаза.

— Это не полное бессмертие, Перси. Ты же знаешь. Мы по-прежнему можем погибать в бою. Просто мы... никогда не стареем и не болеем, а значит, живем вечно, если нас не разорвут на части какие-нибудь монстры.

— Опасность всегда существует.

— Всегда. — Талия оглянулась, и я понял, что она разглядывает лица мертвецов.

— Если ты ищешь Бьянку, — сказал я тихонько, чтобы меня не услышал Нико, — то она в Элизиуме. Она умерла смертью героя.

— Я знаю, — резко оборвала меня Талия, но тут же взяла себя в руки. — Дело не в этом, Перси. Я просто... А, ладно, забудем об этом.

Я вдруг похолодел, вспомнив, что мать Талии погибла в автомобильной катастрофе несколько лет назад. Они никогда не были близки, но у Талии даже не оказалось возможности попрощаться с нею. Если тень ее матери бродит где-то здесь... неудивительно, что Талия нервничает.

— Извини, — сказал я. — Не подумал.

Наши глаза встретились, и мне показалось, что она поняла. Выражение ее лица смягчилось.

— Все в порядке. Давай поскорей покончим с этим.

Я совершенно не обрадовался, когда цветок показал, что нам нужно двигаться в направлении Полей наказаний. Я надеялся, что мы выйдем к Элизиуму, чтобы можно было пообщаться с красивыми людьми и хорошими компаниями, — так ведь нет же. Цветку, казалось, были по вкусу самые суровые, самые пагубные углы Царства мертвых. Мы перепрыгнули через поток лавы и пошли дальше, наблюдая сцены ужасных мучений. Не буду вам описывать их, чтобы вы совсем не потеряли аппетит, но мне сильно хотелось заткнуть уши ватой и не слышать этих криков и музыки 1980-х годов.

Гвоздика повернула свой цветок к холму слева от нас.

— Туда, — сказал я.

Талия и Нико остановились. Они были покрыты сажей, осевшей на

них, пока мы шли мимо Полей наказаний. Я, наверное, выглядел не лучше.

С другой стороны холма до нас донесся громкий скрежет, словно кто-то тащил стиральную машину. Потом холм сотрясся — БАХ! БАХ! БАХ! — и мы услышали голос человека, изрыгающего проклятия.

Талия посмотрела на Нико.

— Это тот, про кого я думаю?

— Боюсь, что так, — сказал Нико. — Специалист номер один по умению оставлять смерть в дураках.

Прежде чем я успел спросить, кого он имеет в виду, Нико вывел нас на вершину холма.

Тот тип, которого мы увидели по другую сторону, выглядел не очень привлекательно. И доволен собой он тоже не был. Он напоминал какого-то игрушечного тролля с оранжевой кожей, а на поясе у него красовалось нечто вроде набедренной повязки или плавок. Его скудные волосы торчали ключьями. Мужик прыгал на месте, бранясь и пиная камень, в два раза превышавший его рост.

— Не буду больше! — кричал он. — Хватит! Хватит! Хватит!

После этого он разразился проклятиями на нескольких языках. Если бы у меня была копилка, куда провинившиеся клали бы по 25 центов за каждое ругательное слово, я мигом бы разбогател долларов на пятьсот.

Парень направился прочь от камня, но, сделав десять шагов, ринулся назад, словно его притягивала туда какая-то невидимая сила. Он уткнулся в камень и начал колотиться о него головой.

— Ну хорошо! — вопил он. — Хорошо, будь ты проклят!

Он потер голову и пробормотал новые ругательства.

— Но это в последний раз. Ты меня слышишь?

Нико посмотрел на нас.

— Давайте. Самое время — он между двумя попытками.

Мы потопали вниз по склону.

— Сизиф! — крикнул Нико.

Тип, похожий на тролля, удивленно посмотрел на нас. Потом спрятался за камень.

— Нет-нет, вы обманываете меня своими одеждами. Я знаю, что вы фурии!

— Никакие мы не фурии, — сказал я. — Мы просто хотим с тобой поговорить.

— Уходите! — взвизгнул Сизиф. — Мне не становится лучше от цветов! Слишком поздно приходить со своими извинениями!

— Послушай, — вступила Талия, — мы просто хотим...

— Ла-ла-ла, — завопил он. — Я тебя не слушаю!

Мы с ним устроили что-то вроде игры в пятнашки вокруг камня, и наконец Талия, которая была резвее всех, поймала беднягу за волосы.

— Прекрати! — кричал он. — Я должен двигать камни. Двигать камни!

— Я подниму твой камень в гору! — предложила ему Талия. — А ты не ори и поговори с моими друзьями.

Сизиф прекратил противиться.

— Так ты... ты поднимешь мой камень?

— Это лучше, чем смотреть на тебя. — Талия бросила на меня сердитый взгляд. — А ты давай поскорее.

После этого она подтолкнула к нам Сизифа.

Подперев камень плечом, она принялась медленно подталкивать его вверх.

Сизиф недоверчиво уставился на меня, потом вдруг ущипнул меня за нос.

— Ой! — вскричал я.

— Значит, ты на самом деле не фурия, — недоуменно заключил он. — Для чего этот цветок?

— Мы тут ищем кое-кого, — пояснил я. — А цветок помогает нам его найти.

— Персефона! — Он сплюнул на землю. — Это одно из ее устройств слежения? — Сизиф наклонился ко мне, и я почувствовал не очень приятный дух, исходивший от старика, который вот уже целую вечность закатывает камень в гору. — Знаешь, один раз я ее провел. Я их всех провел.

— Может, переведешь? — Я посмотрел на Нико.

— Сизиф обманул смерть, — пояснил Нико. — Сначала он приковал Танатоса — это тот, кто пожинает души умерших, — и тут люди перестали умирать. Потом, когда Танатос освободился и собрался его убить, Сизиф попросил свою жену не совершать обряд похорон, чтобы он не мог упокоиться в мире. Эй, Сиси... Можно, я буду называть тебя Сиси?

— Нет!

— Сиси провел Персефону, и та разрешила ему вернуться в мир живых, чтобы наказать жену. А он взял и не вернулся.

Старик рассмеялся.

— Я прожил еще тридцать лет, и только потом они меня прибрали.

Талия уже поднялась до половины холма. Она скрежетала зубами, толкая камень спиной. Ее лицо весьма красноречиво говорило: «Да скоро

вы там?!»

— И в этом заключалось твое наказание, — сказал я Сизифу. — Вечно закатывать в гору камень. И что, игра стоила свеч?

— Это временная неудача! — воскликнул Сизиф. — Скоро меня здесь не будет, и тогда вы пожалеете!

— И как же это ты сможешь бежать из Царства мертвых? — поинтересовался Нико. — Ты что, не знаешь, что оно заперто?

— Об этом и тот другой меня спрашивал. — Сизиф коварно ухмыльнулся.

Я напрягся.

— Кто-то еще спрашивал у тебя совета?

— Такой сердитый молодой человек, — откликнулся Сизиф. — Не очень вежливый. Приставил мне меч к горлу. И даже не предложил покатать мой камушек.

— И что ты ему сказал? — спросил Нико. — Кто он такой?

Сизиф принялся массировать плечи, посмотрел на Талию, которая почти добралась до вершины холма. Лицо у нее было пунцовым и мокрым от пота.

— Ну... это трудно сказать, — ответил Сизиф. — Никогда прежде его не видел. У него был такой длинный сверток в черной материи. Может, лыжи? Или лопата? Может быть, вы здесь подождете, а я пойду его поищу...

— И что ты ему сказал? — спросил я.

— Не припоминаю.

Нико вытащил меч. Стигийская сталь была так холодна, что в горячем сухом воздухе Полей наказаний от него шел пар.

— А ты напряги мозги.

— Это кто же носит такие мечи? — сморщился старик.

— Сын Аида, — отрезал Нико. — Ну, отвечай!

Вся краска отхлынула с лица Сизифа.

— Я ему посоветовал обратиться к Мелиное! Она всегда умеет найти выход!

Нико опустил меч. Я сразу почувствовал, что имя Мелиной встревожило его.

— Ты что, с ума сошел? — спросил он. — Это же самоубийство!

Старик пожал плечами.

— Я уже и раньше обманывал смерть. Могу и еще раз.

— И как выглядел этот полубог?

— Гмм... у него был нос, — сказал Сизиф. — Рот, один глаз и еще...

— Один глаз? — прервал его я. — У него на другом была повязка?

— Может быть... На голове волосы. И... — Сизиф вздохнул и посмотрел за мое плечо. — Да вот же он.

И мы купились на это.

Как только мы повернулись, Сизиф припустил вниз по склону.

— Я свободен! Я свободен! Я...

В десяти футах от подножия холма он до конца выбрал невидимый поводок и упал на спину.

Мы с Нико подхватили его под руки и потащили в гору.

— Будьте вы прокляты! — Сизиф разразился ругательствами на древнегреческом, латыни, английском, французском и других языках, мне не знакомых. — Я вам не стану помогать! Катитесь в Аид!

— Мы уже здесь, — пробормотал Нико.

— Берегись! — прокричала Талия.

Я посмотрел вверх, и у меня самого изо рта чуть не вырвалось проклятие. Прямо на нас летел камень. Нико отпрыгнул в одну сторону, я — в другую. Сизиф закричал: «НЕ-Е-Е-Е-Е-ЕТ!» — камень неся прямо на него. Но он каким-то образом собрался и остановил камень, прежде чем тот сбил его с ног. Я так думаю, у него был немалый опыт в таких делах.

— Возьмите его опять! — завопил Сизиф. — Пожалуйста! Я не могу его держать.

— Нет уж, хватит, — выдохнула Талия. — Давай теперь сам.

Сизиф наградил нас новой порцией ругательств. Было ясно, что больше он нам ничего не скажет, и мы оставили Сизифа наедине с его жребием.

— Пещера Мелиной в той стороне, — указал Нико.

— Если у этого воришки и в самом деле один глаз, то это может быть Эфан Накамура, сын Немезиды, — предположил я. — Тот, который освободил Кроноса.

— Я помню, — с мрачным видом откликнулся Нико. — Но если нам придется иметь дело с Мелиной, то у нас проблемы намного круче. Идем.

Мы пошли прочь, а Сизиф кричал нам вслед:

— Ну, все, это было в последний раз. Вы меня слышите? В последний раз!

Талию пробрала дрожь.

— Ты в порядке? — спросил я ее.

— Да вроде бы, — неуверенно ответила она. — Перси, знаешь, что меня пугает? Я добралась до вершины и уже думала, что все. Что это не так уж и трудно. Что камень там и останется. А когда он покатился вниз, у меня

возникло желание попробовать снова. Я решила, что смогу поднять его во второй раз.

Талия задумчиво оглянулась.

— Идем, — сказал я ей. — Чем скорее мы выберемся отсюда, тем лучше.

Мы шли, казалось, целую вечность. С гвоздики упали еще три лепестка, а это означало, что цветок был практически полумертв. Гвоздика показывала в сторону хребта, похожего на ряд неровных зубов, и мы потащились в том направлении через долину, усеянную застывшей вулканической лавой.

— Хороший день для прогулки, — пробормотала Талия. — Охотницы теперь, наверное, пируют где-нибудь на лесной поляне.

Я подумал: интересно, что сейчас делается у меня дома. Моя мама и отчим Пол забеспокоятся, когда я не вернусь вовремя из школы, но такое со мной случалось не в первый раз. Они быстренько сообразят, что я в каком-нибудь очередном поиске. Мама будет бродить взад-вперед по гостиной, не зная, вернусь ли я, чтобы развернуть подарки, купленные мне на Рождество.

— Так кто такая эта Мелиноя? — спросил я, стараясь отвлечься от мыслей о доме.

— Это долгая история, — сказал Нико. — Долгая и очень страшная.

Я собирался спросить, что он имеет в виду, но тут Талия присела на корточки.

— К оружию!

Я вытащил Анаклузмос. Вид у меня наверняка был устрашающий — ведь в другой руке я держал горшок с гвоздикой. Мне пришлось поставить его на землю. Нико также обнажил свой черный меч.

Мы встали спина к спине. Талия наложила стрелу на тетиву лука.

— Что случилось? — прошептал я.

Казалось, она прислушивается. Потом ее глаза расширились. Вокруг нас материализовалась дюжина демонов. Они были наполовину женщинами, наполовину — летучими мышами. Лица их представляли собой курносые волосатые физиономии с клыками и выпученными глазами. Тела скрывались под сероватым матовым мехом и доспехами, составленными из множества отдельных частей. У них были высохшие руки, когти на пальцах, кожистые крылья, торчащие из лопаток, и короткие кривые ноги. Видок, в общем-то, довольно смешной, если бы не кровавый блеск в глазах.

— Керы, — пояснил Нико.

— Что-что? — переспросил я.

— Это духи войны. Они питаются кровью погибших.

— Замечательно! — отозвалась Талия.

— Прочь! — приказал демонам Нико. — С вами говорит сын Аида!

Керы зашипели. На их губах выступила пена. Они опасливо поглядывали на наше оружие, но что касается приказа Нико, то мне показалось, будто он не произвел на них особого впечатления.

— Аид скоро потерпит поражение, — прорычала одна из кер. — Наш новый хозяин развяжет нам руки!

— Новый хозяин? — Нико прищурился.

Предводительница кер, застав Нико врасплох, бросилась вперед так быстро, что могла бы разорвать его на части, если бы Талия не выстрелила прямо в ее уродливую мышиную физиономию, отчего это существо растворилось в воздухе.

Остальные керы кинулись в атаку, и Талия, бросив лук, выхватила свои ножи. Я пригнулся — меч Нико просвистел над моей головой, разрубая демона пополам. Я колот и рубил — три или четыре керы рассыпались в прах прямо передо мной, но взамен убитых появлялись новые.

— Япет вас уничтожит! — прокричала одна из них.

— Кто? — поинтересовался я, разрубая ее мечом.

Зарубка на память: если ты прикончил монстра, то он вряд ли ответит на твой вопрос.

Нико тоже рубил кер направо и налево. Его черный меч поглощал их сущность, словно пылесос, и чем больше он их убивал, тем холоднее становился воздух вокруг него. Талия шлепнула одного демона по спине, а потом заколола его и одновременно, даже не поворачиваясь, второй рукой вонзила нож в другого демона.

— Умри в мучениях, смертный!

Я не успел поднять меч для защиты — когти еще одного демона вонзились мне в плечо.

Будь на мне доспехи, никаких проблем не возникло бы, но на мне была лишь моя школьная форма. Когти этой гадины разорвали рубашку и вонзились в кожу. Вся левая сторона тела словно взорвалась от боли.

Нико сбросил с меня монстра и заколол его. А я упал и сжался в комок, пытаюсь вынести страшную боль.

Звук схватки стих. Талия и Нико бросились ко мне.

— Держись, Перси! — воскликнула Талия. — Все будет в порядке!

Но по дрожи в ее голосе я понял, что рана серьезная. Нико осторожно прикоснулся к ней, и я заорал от боли.

— Нектар, — сказал он. — Я полью ее нектаром. Нико откупорил бутылочку и вылил ее содержимое мне на плечо. Это было опасно (большинство полубогов могут выдержать лишь каплю этого вещества), но боль сразу прекратилась. Нико и Талия совместными усилиями забинтовали рану, а я за это время лишь два-три раза терял сознание.

Не знаю, сколько времени прошло, но следующее, что я помню, — я сижу, опираясь спиной о камень, плечо у меня перевязано, а Талия сует мне в рот кубик приправленной шоколадом амброзии.

— А где керы? — пробормотал я.

— Пока исчезли, — сказала она. — Я какое-то время беспокоилась за тебя, но теперь вижу — ты с этим справишься.

Рядом с нами присел Нико. Он держал гвоздику в горшке. На цветке осталось всего пять лепестков.

— Керы вернутся. — Он озабоченно посмотрел на мое плечо. — Эта рана... керы — не только духи насилия, но еще всяких болезней и немощей. Мы можем замедлить действие инфекции, но тебе потребуется серьезное лечение. Я имею в виду божественное вмешательство. Иначе... — Нико не закончил свою мысль.

— Все будет в порядке. — Я постарался приподняться, но тут же почувствовал тошноту.

— Тихо-тихо, — предостерегла Талия. — Тебе сначала нужно отдохнуть.

— У нас нет времени. — Я посмотрел на гвоздику. — Одна из кер упоминала Япета. Я не ошибаюсь? Ведь это титан?

Талия взволнованно кивнула.

— Это брат Кроноса, отец Атласа. Он был известен как титан запада. Его имя означает «прокалыватель», потому что именно это он делает со своими врагами. Его вместе с братьями бросили в Тартар. Считается, что он до сих пор там.

— Но если меч Аида может отпирать смерть? — спросил я.

— Тогда, — подхватил Нико, — не исключено, что он может вызывать проклятых из Тартара. Мы не должны допустить, чтобы они попытались...

— Мы так еще и не знаем, кто они такие, — сказала Талия.

— Полукровки, работающие на Кроноса. Возможно, Эфан Накамура. И он начинает привлекать на свою сторону всяких местных шестерок вроде кер. Демоны думают, что если Кронос выиграет войну, то в мире воцарится больше хаоса и зла, а это для них самое милое дело.

— Они, вероятно, правы, — согласился со мной Нико. — Мой отец пытается сохранить равновесие сил. Он сдерживает наиболее свирепых духов. Если Кронос назначит одного из своих братьев владыкой Царства мертвых...

— Кого-нибудь вроде этого типа Япета.

— ...то Царство мертвых станет гораздо хуже, — закончил Нико. — Керам это по вкусу. И Мелиное тоже.

— Ты так нам и не сказал, кто такая эта Мелиноя.

Нико пожевал губами.

— Это богиня духов — одна из служанок моего отца. Она присматривает за неупокоенными мертвецами, которые бродят по земле. Каждую ночь она выходит из Царства мертвых, чтобы пугать смертных.

— У нее есть свой собственный путь в наземный мир?

Нико кивнул.

— Вряд ли он будет закрыт. Обычно никто даже не помышляет о том, чтобы войти в ее пещеру. Но если этот воришка полубог достаточно храбр и готов иметь с ней дело...

— ...то он сможет вернуться в наземный мир, — вставила Талия, — и принести этот меч Кроносу.

— Который воспользуется им, чтобы вызволить из Тартара своих братьев, — закончил я. — И тогда нас всех ждут большие неприятности.

Я с трудом поднялся на ноги. Приступ тошноты чуть не лишил меня сознания, но Талия меня поддержала.

— Перси, — сказала она, — ты сейчас не в состоянии...

— У меня нет иного выбора, — возразил я, глядя, как опадает еще один лепесток гвоздики. До наступления Судного дня оставалось еще четыре. — Дайте мне цветок. Мы должны найти пещеру Мелиноя.

Мы шли, и я пытался думать о чем-нибудь позитивном: о моих любимых баскетболистах, моем последнем разговоре с Аннабет, о том, что приготовит на Рождество мама, — о чем угодно, только не о боли. Но она все равно саблезубым тигром грызла мое плечо. В схватке от меня будет мало пользы, и я проклинал себя за то, что потерял бдительность. Я не должен был допустить этого ранения. Теперь Талии и Нико оставшуюся часть пути придется тащить на себе мою бесполезную тушку.

Жалость к самому себе так меня увлекла, что я не услышал рокота воды, и обратил на него внимание, только когда Нико сказал:

— Ничего себе!

Футах в пятидесяти перед нами на порогах вулканических камней

бурлила река. Я видел Стикс, но эта река вовсе на него не походила. Она была узкой и быстрой, с водой цвета чернил. Даже бурлила она черной пеной. До другого берега было не больше тридцати футов, но перепрыгнуть — не перепрыгнешь, а моста тут не имелось.

— Это река Лета! — Нико выругался по-древнегречески. — Нам через нее никогда не перебраться.

Цветок показывал на другую сторону — на мрачную гору и тропинку, ведущую к пещере. За горой, словно серое гранитное небо, вздымались вверх стены Царства мертвых. Я и не думал, что у владений Аида есть ограждение по периметру, но оказалось, что именно так и обстоит дело.

— Но ведь должен же быть какой-то способ перебраться на другую сторону, — сказал я.

Талия встала на колени рядом с водой.

— Осторожнее! — предупредил Нико. — Ведь это река забвения. Если хоть капля ее воды попадет на тебя, ты начнешь забывать, кто ты такая.

— Я знаю это место. — Талия отпрянула от воды. — Лука как-то рассказывал мне о нем. Если души хотят возродиться, они приходят сюда и здесь полностью забывают свои прежние жизни.

Нико кивнул.

— Поплавай в этой водичке, и в голове у тебя ничего не останется — чистый лист. Ты будешь, как новорожденный младенец.

Талия разглядывала противоположный берег.

— Я могла бы пустить туда стрелу... может быть, перебросить веревку и заякорить ее там в камнях?

— Ты хочешь доверить свою жизнь веревке, которая как следует не закреплена? — спросил Нико.

Талия нахмурилась.

— Ты прав. Такое бывает только в кино, но... нет. А ты не мог бы вызвать каких-нибудь мертвецов, чтобы они нам помогли?

— Я мог бы, но они обитают только по эту сторону. Текущая вода для них — непреодолимое препятствие. Они не могут ее пересечь.

— Что это за дурацкое правило? — поморщился я.

— Слушай, не я его выдумал. — Нико внимательно посмотрел на меня. — Вид у тебя ужасный, Перси. Тебе нужно отдохнуть.

— Не могу. Я нужен вам для этого.

— Для чего? — спросила Талия. — Ты едва стоишь на ногах.

— Ведь это вода? Значит, я могу ею управлять. Может быть, мне удастся перенаправить поток и удерживать его достаточно долго, чтобы мы успели перебраться на другой берег.

— Это в твоём-то нынешнем состоянии? — недоверчиво спросил Нико. — Ну уж нет. Я бы чувствовал себя в большей безопасности со стрелами Талии.

Я дохромал до края реки.

Я не знал, удастся ли мне сделать это. Я был сыном Посейдона, а потому управлять соленой водой не составляло для меня труда. Управлять реками — может быть. Если речные духи настроены благожелательно. Волшебные реки Царства мертвых? Тут я вовсе не был в себе уверен.

— Отойдите, — попросил я. И сосредоточился на потоке — бурлящая черная вода неслась мимо меня. Я представил, что она — часть моего тела. Я мог управлять потоком, подчинить его моей воле.

Не знаю, так ли это, но мне показалось, что вода бурлит и пенится сильнее, словно чувствуя мое присутствие. Я знал, что вообще остановить реку мне не по силам. Поток развернется и затопит всю долину, а потом, как только я его отпущу, обрушится на нас. Но было и другое решение.

— Ну, посмотрим, что у нас выйдет, — пробормотал я.

Я вытянул вверх руки, словно поднимал что-то над головой. Мое раненое плечо обжигало огнем, но я старался не обращать на это внимания.

Река поднялась. Она образовала огромную арку — бушующую черную водяную радугу высотой в двадцать футов. Ил в ложе реки на наших глазах начал засыхать, а под водой получился туннель вполне достаточный, чтобы в него могли бок о бок пройти два человека.

Талия и Нико удивленно смотрели на меня.

— Идите, — сказал я. — Долго мне его не удержать.

Перед глазами у меня плясали желтые крапинки. Мое раненое плечо просто вопило от боли. Талия и Нико спустились к речному ложу и по илистому месиву перебрались на другой берег.

Ни одной капли! Я не могу позволить, чтобы хоть капля воды пролилась на них.

Река Лета противилась мне. Она не хотела выходить из собственных берегов. Она желала обрушиться на моих друзей, выскоблить им мозги, утопить их. Но я держал арку.

Талия перебралась на другой берег и повернулась, чтобы помочь Нико.

— Давай, Перси! — крикнула она. — Иди!

Колени у меня дрожали. Руки тряслись. Я сделал шаг вперед и чуть не упал. Водная арка дрогнула.

— Я не могу...

— Можешь! — крикнула Талия. — Ты нам нужен!

Я кое-как доковылял до речного ложа. Один шаг, еще один. Вода

струилась надо мной, мои ботинки погружались в ил.

Я прошел полпути и споткнулся. Услышал крик Талии: «Нет!» И тут моя воля ослабла.

Перед тем как река Лета обрушилась на меня, у меня было еще время на последнюю отчаянную мысль: «Сухой!»

Я услышал рев воды и ощутил на своих плечах тонны воды — река возвращалась в свое обычное русло. Но...

Я открыл глаза.

Вокруг меня была полная темнота, но я оставался абсолютно сухим. Меня, как второй кожей, обволакивал слой воздуха, защищая мое тело от действия воды. Я поднялся на ноги. Даже это маленькое усилие воли, которое требовалось, чтобы я оставался сухим (а я проделывал это прежде много раз без всякого труда), теперь было для меня чрезмерным. Я двигался сквозь черный поток, слепой и согнутый пополам от боли.

Я вышел из реки Леты, изумив Талию и Нико, которые в шоке отпрыгнули от меня на добрых пять футов. Потом сделал еще шаг и упал под ноги моим друзьям, потеряв сознание.

Вкус нектара вернул меня к жизни. Плечо мое болело уже поменьше, но в ушах стоял неприятный гул. Глаза горели, как при высокой температуре.

— Больше нектара нельзя — слишком велик риск, — услышал я голос Талии. — Он загорится.

— Перси, — позвал Нико, — ты меня слышишь?

— Я уже загорелся, — пробормотал я в ответ.

Я медленно сел. Плечо мое оказалось перебинтованным заново, и хотя оно все еще болело, я смог подняться на ноги.

— Мы уже близко. Ты можешь идти? — спросил Нико.

Над нами громоздилась гора. К устью пещеры в нескольких сотнях футов от нас вела петляющая пыльная тропинка. Вдоль тропинки валялись человеческие кости, что вовсе не добавляло нам энтузиазма.

— Я готов.

— Не нравится мне это, — пробормотала Талия.

Она держала в руках цветок, который указывал на пещеру. На гвоздике осталось только два лепестка, висевшие как уши очень грустного зайца.

— Поганая пещерка, — сказал я. — Богиня призраков. Кому это понравится?

Как будто в ответ на мои слова по склону горы разнеслось шипение. От входа в пещеру за клубился белый туман, словно кто-то включил

машинку для изготовления сухого льда.

В тумане появилась фигура — высокая женщина с растрепанными светлыми волосами, в розовом халате. В руке она держала бокал с вином. Она сурово и неодобрительно смотрела на нас. Фигура была прозрачная, а потому я понял, что это какой-то дух, правда, дух, чей голос звучал весьма реально.

— Значит, ты вернулась, — проворчала она. — Ну, все равно уже поздно!

Я посмотрел на Нико и прошептал:

— Мелиноя?

Нико не ответил. Он стоял, замерев на месте и не сводя глаз с призрака. Талия опустила лук.

— Мама? — На глаза ее навернулись слезы. Такое впечатление, что ей вдруг опять стало семь лет.

Дух швырнул бокал — тот разбился в тумане.

— Все верно, девочка. Я обречена бродить по земле. И это твоя вина! Где ты была, когда я умирала? Почему ты убежала, когда была нужна мне?

— Я... я...

— Талия, — позвал я, — это всего лишь тень. Она тебе ничего не может сделать.

— Нет, я не просто тень, — ответил дух. — И Талия знает это.

— Но... ты бросила меня, — прошептала Талия.

— Ах ты, противная девчонка! Неблагодарная беглянка!

— Прекрати! — Вперед вышел Нико с обнаженным мечом, но дух изменил форму и обратился к нему.

Этого призрака было труднее увидеть. Женщина в старомодном бархатном платье и шапочке в тон к нему. На ней были жемчужные бусы и белые перчатки, черные волосы стянуты сзади в пучок.

Нико остановился как вкопанный.

— Нет...

— Мой сыночек, — произнес призрак. — Я умерла, когда ты был совсем маленький. Я в скорби скиталась по миру, думая о тебе и твоей сестренке.

— Мама?

— Нет, это моя мама, — пробормотала Талия, словно продолжала видеть перед собой первый образ.

Мои друзья были беспомощны. Туман начал сгущаться вокруг их ног, опутывая, как лоза. Их одежда и лица потеряли цвет, словно они превращались в тени.

— Хватит, — сказал я, но голос почти не слушался меня. Преодолевая боль, я поднял меч и направился к призраку. — Ничья ты не мама!

Призрак повернулся ко мне, замерцал, и я увидел богиню призраков в ее истинном обличье.

Вы, наверное, думаете, что мне уже все нипочем и внешность греческих чудовищ не может меня напугать, однако Мелиноя застала меня врасплох. Правая ее половина была бледна как мел, словно там не циркулировала кровь. А левая — черна как смола и затвердела, как кожа мумии. Она одевалась в золотистое платье и такую же шаль. Богиня призраков смотрела пустыми черными глазами, и когда я заглянул в них, то мне показалось, будто я вижу собственную смерть.

— Где твои призраки? — раздраженно проговорила она.

— Мои? Не знаю. Нет у меня призраков.

Мелиноя зарычала.

— У всех есть призраки — мертвецы, по которым скорбят. Чувство вины! Страх! Почему я у тебя ничего не вижу?

Талия и Нико по-прежнему пребывали в прострации — смотрели на богиню так, словно она была их давно умершей матерью. Я вспомнил своих друзей, смерть которых видел, — Бьянку ди Анджело, Зою Ночную Тень, Ли Флетчера... всех и не перечислить.

— Я примирился с ними, — сказал я. — Они ушли. Они не призраки. А теперь отпусти моих друзей!

Я замахнулся на Мелиною мечом. Она быстро подалась назад, рыча от разочарования. Туман вокруг моих друзей рассеялся. Они мигали, глядя на богиню, словно только теперь увидели, какая она отвратительная.

— Что это? — спросила Талия. — А где...

— Это был такой трюк, — печально произнес Нико. — Она нас одурачила.

— Вы опоздали, полубоги, — сказала Мелиноя. С моей гвоздики опал еще один лепесток, остался последний. — Дело уже сделано.

— Какое еще дело? — спросил я.

Мелиноя зашипела, и я понял, что это она так смеется.

— Столько призраков, мои юные полубоги! Они все жаждут свободы. Когда Кронос будет править миром, то я смогу денно и ночью бродить среди смертных, сея в их душах ужас, как они того и заслуживают.

— Где меч Аида? — спросил я. — Где Эфан?

— Уже скоро, — продолжала Мелиноя. — Я не буду вас задерживать. В этом нет нужды. Скоро, Перси Джексон, у тебя будет много призраков. И ты вспомнишь меня.

Талия натянула тетиву и прицелилась в богиню.

— Неужели ты думаешь, что Кронос вознаградит тебя, если ты откроешь дорогу в наземный мир? Он зашвырнет тебя в Тартар вместе с другими слугами Аида.

Мелиноя обнажила зубы.

— Твоя мать была права, Талия. Ты злая девчонка. Хорошо умеешь только убегать. А больше ничего.

Стрела сорвалась с тетивы, но едва она коснулась Мелиной, как та растворилась в тумане и от нее остался только смех-шипение. Стрела Талии, никому не причинив вреда, ударилась о камень.

— Идиотский призрак, — пробормотала Талия.

Я видел, что случившееся ее сильно потрясло. Вокруг глаз Талии появилась краснота, руки дрожали.

У Нико был не менее ошарашенный вид, словно ему хорошенько заехали промеж глаз.

— Этот вор... — выдавил он из себя, — он, возможно, в пещере. Мы должны остановить его, прежде...

И в этот момент с гвоздики опал последний лепесток. Цветок почернел и увял.

— Слишком поздно, — сказал я.

Гулкое эхо смеха огласило склон горы.

— Тут ты прав, — раздался громовой голос. У входа в пещеру стояли два человека — мальчишка с повязкой на глазу и мужчина высотой футов десять в потрепанном тюремном комбинезоне. Мальчишку я узнал: это был Эфан Накамура, сын Немезиды. В руках у него был незаконченный меч — обоюдоострый клинок из черной стигийской стали с изображениями скелетов, протравленными серебром. Эфеса у меча не имелось, но в его основание был вделан золотой ключ — точно такой, как нам показывала Персефона.

Гигант, стоящий рядом с Эфаном, блистал глазами из чистого серебра. Лицо его обросло бородой, торчащей во все стороны клочьями. Выглядел он таким худым и изможденным, словно провел несколько последних тысяч лет на дне ямы, но даже в таком ослабленном состоянии смотрелся великан весьма внушительно. Он вытянул руку, и в ней появилось гигантское копье. Я вспомнил, что говорила Талия о Япете: «Его имя означает „прокалыватель“, потому что именно это он делает со своими врагами».

Титан улыбнулся жестокой улыбкой.

— А теперь я вас уничтожу.

— Повелитель! — вмешался Эфан.

На нем был комбинезон военного образца, на плечо накинута сумка. Повязка на глазу сбилась, лицо покрывали пот и сажа. — У нас меч. Мы должны...

— Да-да, — нетерпеливо сказал титан. — Ты хорошо поработал, Навака.

— Меня зовут Накамура, повелитель.

— Какая разница! Я не сомневаюсь, что мой брат Кронос отблагодарит тебя. Но теперь у нас на очереди убийства.

— Мой господин, — гнул свое Эфан. — Ты сейчас не в лучшей форме. Мы должны подняться и вызвать твоих братьев из наземного мира. Мы получили приказ бежать как можно скорее.

Титан повернулся к нему:

— БЕЖАТЬ? Ты сказал, БЕЖАТЬ?

Земля сотряслась. Эфан упал на пятую точку и принялся отползать назад. Незавершенный меч Аида зазвенел о камни.

— П-п-повелитель, п-п-пожалуйста...

— ЯПЕТ НИКОГДА НЕ БЕЖИТ! Я ждал целых три вечности, пока меня вызволят из ямы. Я жажду возмездия и начну с того, что убью этих слабаков!

Титан нацелил на меня копье и бросился в атаку.

Будь он в своей лучшей форме, он, несомненно, пронзил бы меня насквозь. Но даже такой слабый и только что вышедший из ямы, этот парень был очень резв. Он двигался как вихрь, быстро нанося удары, так что я едва успел увернуться — его копье воткнулось в скалу, на которой я стоял.

Голова у меня так кружилась, что я едва держал меч в руке. Япет вырвал копье из камня, но пока он поворачивался ко мне, Талия обстреляла его из лука, усеяв бок титана стрелами от плеча до колена. Он зарычал и обернулся к ней — казалось, Япет больше раздражен, чем ранен. Эфан Накамура хотел было вытащить собственный меч, но Нико крикнул ему:

— Эй, я бы не советовал тебе это делать!

Земля перед Эфаном разверзлась, оттуда появились три скелета в доспехах и набросились на него, вынудив отступить. Меч Аида остался лежать на камнях. Если бы мне удалось достать его...

Япет замахнулся копьем, и Талия отпрыгнула в сторону. Она отбросила лук и теперь могла достать ножи, но долго ей в этой схватке не выстоять.

Нико предоставил Эфана скелетам, а сам атаковал Япета. Я находился

прямо перед титаном. Мне казалось, что мое плечо вот-вот взорвется, но я набросился на него и нанес удар Анаклузмосом прямо в икру великана.

— А-А-А-А-А!

Из раны хлынула золотистая сукровица.

Япет развернулся и древком своего копья задел меня, отчего я полетел кубарем на скалы рядом с берегом Леты.

— ТЫ УМРЕШЬ ПЕРВЫМ! — зарычал Япет и заковылял ко мне.

Талия попыталась отвлечь его, пуская электрические разряды из своих ножей, но титан обращал на них внимания не больше, чем на комариные укусы. Нико ударил его мечом, но Япет, не глядя, отбросил его в сторону.

— Я поубиваю вас всех! А потом заброшу ваши души в вечную тьму Тартара!

В глазах у меня потемнело, я едва мог пошевелиться. Еще какой-то дюйм — и я свалюсь в реку головой вниз.

Река!

Я проглотил слюну, надеясь, что все еще владею голосом.

— Ты еще уродливее... своего сыночка, — издевательски сказал я. — Теперь мне понятно, почему Атлас так глуп — наследственность.

Япет зарычал. Он хромал в мою сторону, подняв копье.

Я не знал, хватит ли мне сил, но должен был попробовать. Япет обрушил на меня копье, но я отклонился в сторону. Копье вонзилось в землю рядом со мной. Я протянул руку и ухватил титана за шиворот, полагая, что он не только ранен, но еще и вот-вот потеряет равновесие. Япет попытался найти точку опоры, но я тянул его всем своим весом. Он споткнулся и упал, в панике схватив меня за руки, и мы вместе свалились в Лету.

ПЛЮ-Ю-Ю-ЮХ! Я погрузился в черную воду.

Молясь Посейдону, чтобы моя защита сработала, я пошел на дно, чувствуя, что остаюсь сухим. Я помнил собственное имя и все еще держал титана за воротник его рубахи.

Поток должен был вырвать его из моих рук, но река каким-то образом обтекала меня, не затрагивая нас.

Последним усилием воли я выбрался из реки, здоровой рукой таща за собой Япета. Мы упали на берег — я абсолютно сухой, а с титана капала вода. Его глаза цвета чистого серебра сияли, как две луны.

Талия и Нико в удивлении застыли над нами. Наверху у пещеры Эфан Накамура приканчивал последнего скелета. Он повернулся и замер, увидев, что его союзник титан распростерт на земле.

— Мой господин? — окликнул он Япета.

Тот сел и уставился на него. Потом посмотрел на меня и улыбнулся.

— Привет, — сказал он. — Кто я?

— Ты мой друг, — буркнул я. — Тебя зовут Боб.

Это ему вроде пришлось по вкусу.

— Я твой друг Боб!

Эфан понял, что дела явно пошли не по его сценарию. Он посмотрел на меч Аида, лежащий на земле, но прежде чем он успел поднять его, в землю у его ног врезалась серебряная стрела.

— Не сегодня, дружок, — предупредила Талия. — Еще шаг — и я прострелю тебе ногу.

Эфан побежал — прямо в пещеру Мелиной. Талия прицелилась ему в спину, но я сказал:

— Не надо. Пусть бежит.

Она нахмурилась, но лук опустила.

Я не понимал, почему решил пощадить Эфана. Наверное, на сегодняшний день мы уже перебрали со схватками, да и, говоря по правде, мне было жаль парнишку. Ему и без того достанется, когда он будет докладывать Кроносу.

Нико почтительно подобрал меч Аида.

— Мы сделали это! Мы и вправду сделали это...

— Сделали? — переспросил Япет. — А я помогал?

Я выдавил из себя слабую улыбку.

— Ну да, Боб. Ты здорово помог.

Назад ко дворцу Аида мы добрались мигом. Нико с помощью какого-то призрака, которого он вызвал из-под земли, послал запрос, и через несколько минут за нами явились не кто-нибудь, а три фурии собственной персоной. Идея тащить на себе и титана Боба не привела их в восторг, но я не мог его бросить. В особенности после того, как он, увидев рану у меня на плече, сказал: «Опаньки» — и вылечил ее одним прикосновением.

Как бы там ни было, когда мы прибыли в тронный зал дворца Аида, чувствовал я себя великолепно. Повелитель мертвых сидел на своем троне, сделанном из костей, и сердито смотрел на нас, поглаживая черную бороду. Он словно бы придумывал наилучший способ замучить нас до смерти. Персефона сидела рядом с ним, не проронив ни слова, пока Нико рассказывал о наших похождениях.

Прежде чем мы отдали меч, я настоял, чтобы Аид поклялся никогда не использовать его против богов. Глаза его метали молнии, будто он хотел меня испепелить, но в конце концов, сжав зубы, дал-таки это обещание.

Нико положил меч у ног отца и поклонился, ожидая его реакции.

Аид посмотрел на жену.

— Ты пренебрегла моим прямым приказанием.

Я не совсем понимал, о чем он ведет речь. Персефона же ничего не ответила, даже несмотря на свирепый взгляд мужа.

Аид повернулся к Нико. Взгляд его слегка смягчился — стал каменным, а не стальным.

— Никому об этом ни слова.

— Да, повелитель, — склонил голову Нико.

Аид посмотрел на меч. Глаза его сверкали гневом и чем-то еще... чем-то вроде голода. Он щелкнул пальцами. С вершины его трона слетели фурии.

— Верните меч в кузню, — велел он им. — Оставайтесь с кузнецами, пока они не закончат, а потом вернете его мне.

Фурии схватили оружие и мигом исчезли в воздухе, а я спросил себя, как скоро я пожалею об этом дне. Клятвы — это, конечно, хорошо, но существовали способы их обходить, и я воображал, что Аид уже ищет один из них.

— Ты мудр, мой повелитель, — сказала Персефона.

— Будь я мудр, я бы запер тебя в твоих палатах. Если ты снова нарушишь мой приказ...

Он не закончил угрозу — его слова повисли в воздухе. Затем он щелкнул пальцами и исчез в темноте.

Персефона казалась еще бледнее, чем обычно. Она секунду помешкала, поправляя на себе платье, потом повернулась к нам.

— Вы хорошо поработали, полубоги. — Богиня взмахнула рукой, и у ее ног появились три красные розы. — Сомните их — и они вернут вас в мир живых. Мой повелитель благодарен вам.

— Ну да, это сразу было видно, — пробормотала Талия.

— Изготовить такой меч — это ты придумала, — сообразил я. — Поэтому Аида и не было, когда ты отправляла нас на поиск. Аид не знал, что меч похищен. Он даже не знал, что меч существует.

— Чепуха, — возразила богиня.

— Перси прав. — Нико сжал кулаки. — Ты хотела, чтобы Аид сделал меч. Он тебе отказал. Он знал, что это слишком опасно. Другие боги никогда бы не стали ему доверять. Этот меч нарушил бы соотношение сил.

— Потом меч похитили, — поддержала его Талия. — И Царство мертвых запер не Аид — это сделала ты. Ты не осмелилась сказать ему, что случилось. Тебе потребовались мы, чтобы вернуть меч, прежде чем Аид

узнает правду. Ты использовала нас!

Персефона провела языком по губам.

— Важно то, что Аид теперь принял этот меч. Он приказал закончить его, а после мой муж по силе сравнится с Зевсом или Посейдоном. Наше царство будет защищено от Кроноса... или любого другого, кто попытается нам угрожать.

— И мы несем за это ответственность, — с несчастным видом подытожил я.

— Вы нам очень помогли, — согласилась Персефона. — Возможно, наградой за ваше молчание...

— Исчезни, — сказал я. — А то я отнесу тебя к Лете и брошу в ее воды. А Боб мне поможет. Правда, Боб?

— Боб поможет, — радостно согласился Япет.

Глаза Персефоны расширились, и она исчезла в пролившемся с высоты дожде маргариток.

Мы с Нико и Талией простились на балконе, выходящем на Поля асфodelей. Титан Боб сидел внутри здания, строил игрушечный домик из костей и смеялся каждый раз, когда тот рушился.

— Я за ним понаблюдаю, — сказал Нико. — Он теперь безобиден. Может быть... ну, не знаю. Может, нам удастся обучить его делать что-нибудь хорошее.

— Ты уверен, что хочешь остаться здесь? — спросил я. — Персефона тебе житья не даст.

— Я должен остаться, — вздохнул он. — Я должен сблизиться с отцом. Ему нужны советники лучше, чем были прежде.

С этим я спорить не мог.

— Ну, если что-то будет нужно...

— Я позову, — пообещал он. Он пожал руку Талии, потом мне, повернулся, но все же бросил на меня еще один взгляд. — Перси, ты не забыл о моем предложении?

Дрожь прошла по моему телу.

— Я все еще думаю.

Нико кивнул.

— Ну, как только будешь готов...

Когда он ушел, Талия спросила меня:

— Что это за предложение?

— Да он предлагал мне прошлым летом... возможный способ покончить с Кроносом. Но это опасно. А мне на сегодня хватило

опасностей.

Талия кивнула.

— Ну, в таком случае как ты насчет перекусить?

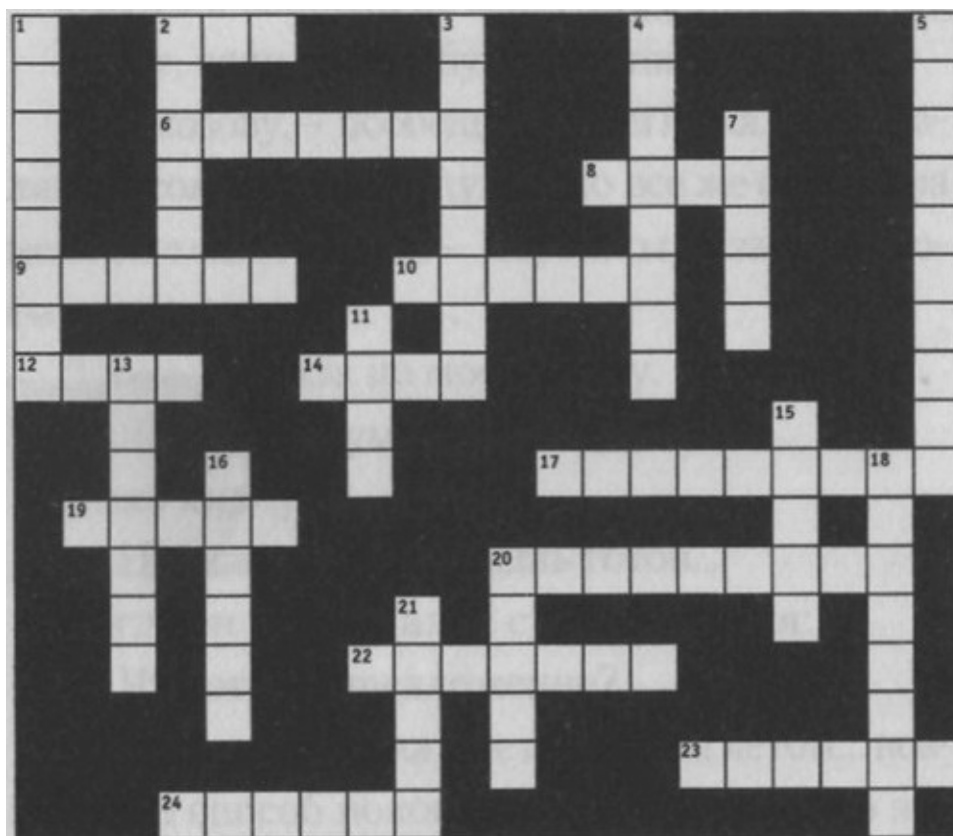
— Ты после всего этого хочешь есть? — Я не смог сдержать улыбку.

— Слушай, даже бессмертные должны есть. Я подумываю о чизбургере.

И мы одновременно смяли розы, чтобы вернуться в мир живых.

ОЛИМПИЙСКИЙ КРОССВОРД

Проверь свои знания о Перси Джексоне и богах-олимпийцах!

По горизонтали:

- 2. Повелитель Царства мертвых.
- 6. Лучший друг Перси.
- 8. Вещество, которым повелевает Перси.
- 9. Метательное оружие.
- 10. Подружка Бекендорфа.
- 12. Сын Аида.
- 14. Жена Зевса.
- 17. Тот, в кого превращает Аннабет ее бейсболка.
- 19. Он приговорен богами вкатывать в гору камень.
- 20. Жена Аида на полгода.
- 22. Другое название полукровки.

- 23. Бог огня.
- 24. Один из братьев Клариссы.

По вертикали:

- 1. Бог морей.
- 2. Месяц рождения Перси.
- 3. Богиня любви.
- 4. Чудовище с телом человека и головой быка.
- 5. Другое название полубога.
- 7. Дочь Зевса.
- 11. Владыка небес.
- 13. Нимфа, на чьем острове побывал Перси.
- 15. Кентавр, заместитель директора в Лагере полукровок.
- 16. Великаны, дети Урана и Геи.
- 18. Дочь Ареса.
- 20. Аннабет смертельно их боится.
- 21. Один из братьев Клариссы.

ОЛИМПИЙСКАЯ ПУТАНИЦА

Отыщи спрятанные слова!

К	К	О	М	Н	О	Л	П	Д	Д	Ж	З	З	Ю	Ь	Т	И	И	М	О
П	Р	Н	Л	Ы	М	Д	Е	Д	А	Л	П	М	В	Ы	И	Р	О	Л	Р
И	В	В	А	И	М	М	Р	А	А	М	Ч	О	А	И	П	Г	С	И	И
П	А	М	А	Ч	М	Я	С	Я	Я	М	Т	Б	С	Д	Ж	Ж	Э	К	К
А	М	К	Р	О	Ы	П	И	Ф	Н	Н	О	С	Н	Е	О	Б	Ж	К	Р
М	М	В	Ы	Ф	У	Ц	И	К	Л	И	У	Т	У	Б	Й	С	М	Я	И
Ц	А	П	М	Р	Т	У	Ц	Й	Й	М	И	С	Т	Я	Ч	Д	В	К	О
Л	А	Б	И	Р	И	Н	Т	П	Ц	Т	И	М	О	Н	И	Ф	О	Ж	Р
А	М	И	Н	У	П	Р	С	Т	С	Ы	Ц	У	О	Ж	Э	Х	К	Н	Д
П	М	И	О	Н	И	Й	Х	О	Ъ	Ж	Ь	С	П	Ц	И	Р	О	К	А
С	М	И	С	К	П	И	Н	С	Е	У	П	Х	Ж	У	Й	И	Т	Щ	Н
Р	Ф	Т	Р	И	О	Т	Т	У	И	Г	С	С	Ы	Й	Й	К	М	Н	
Ь	М	И	Н	Д	Р	Ж	Э	Г	Л	К	Р	Л	И	Д	Ж	Г	К	И	Т
Б	М	Ц	Н	К	Й	Ы	Т	А	Й	С	О	Н	И	Ь	Н	И	К	О	Ю
И	С	Ц	П	К	М	Н	К	Ц	Ч	Й	У	М	Ь	П	О	Л	Д	Ж	Э
И	М	Н	З	Т	С	А	П	Р	С	Т	В	У	М	К	Д	Ж	Э	К	Н
Т	И	Т	А	Н	М	П	У	Й	К	Ч	Е	И	Б	Л	Л	И	М	Ц	Ю
Р	П	С	Ч	А	Н	Н	А	Б	Е	Т	Р	Ц	Й	У	Ч	Д	У	Р	О
С	Р	П	Т	Р	Ц	Й	К	Л	М	Н	Г	Ч	Ъ	К	Э	В	Ы	М	Й
Т	М	Й	Ц	К	Р	О	Ж	Э	Ъ	М	И	К	Л	А	Р	И	С	С	А

ОЛИМПИЙЦЫ, МИНОС, ГРОУВЕР
ПЕРСИ, ЛАБИРИНТ, КАЛИПСО
ДЕДАЛ, СФИНКС, ТИТАН
ПОСЕЙДОН, КРОНОС, АННАБЕТ
РИК РИОРДАН, ТАЙСОН, ЛУКА
ЯНУС, НИКО, КЛАРИССА

ДВЕНАДЦАТЬ ОЛИМПИЙСКИХ БОГОВ

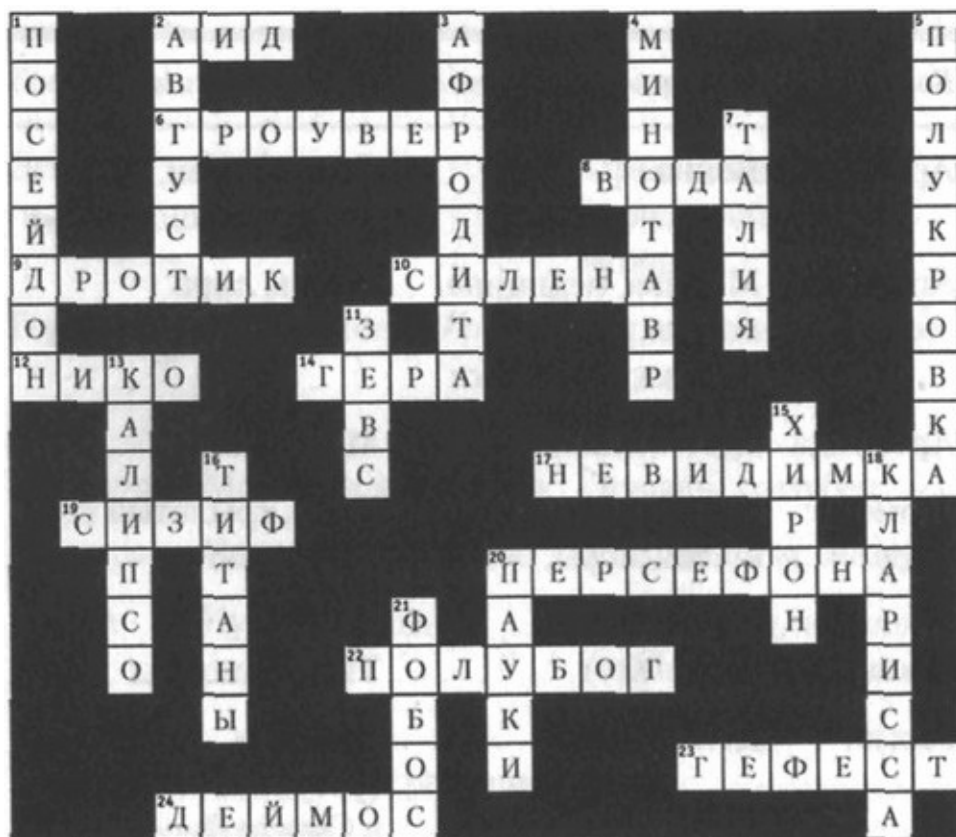
+2

Удобная таблица, чтобы знать все про олимпийцев!

<i>Бог/богиня</i>	<i>Область управления</i>	<i>Животное/символ</i>
Зевс	Небеса	Орел, жезл, изрыгающий молнии
Гера	Материнство, брак	Корова (материнское животное), лев, павлин
Посейдон	Море, землетрясения	Лошадь, трезубец
Деметра	Сельское хозяйство	Красный мак, ячмень
Гефест	Кузнечное дело	Наковальня, перепелка (эта птичка прихрамывает, как и он)
Афина	Мудрость, сражение, ремесла	Сова
Афродита	Любовь	Голубь, волшебный пояс (который влюбляет в нее мужчин)

<i>Бог/богиня</i>	<i>Область управления</i>	<i>Животное/символ</i>
Арес	Война	Дикий кабан, окровавленное копье
Аполлон	Музыка, медицина, поэзия, стрельба из лука, холостяки	Мышь, лира
Артемида	Девственницы, охота	Медведица
Гермес	Путешественники, купцы, воры, вестники	Жезл, крылатый шлем и сандалии
Дионис	Вино	Тигр, виноград
Гестия	Дом и очаг	Журавль (уступила свое место в Совете Дионису)
Аид	Царство мертвых	Шлем ужаса

ОТВЕТЫ НА ОЛИМПИЙСКИЙ КРОССВОРД

ОТВЕТЫ НА ОЛИМПИЙСКУЮ ПУТАНИЦУ

К	К	О	М	Н	О	Л	П	Д	Д	Ж	З	З	Ю	Ь	Т	И	И	М	О
П	Р	Н	Л	Ы	М	Д	Е	Д	А	Л	П	М	В	Ы	И	Р	О	Л	Р
И	В	В	А	И	М	М	Р	А	А	М	Ч	О	А	И	П	Г	С	И	И
П	А	М	А	Ч	М	Я	С	Я	М	Т	Б	С	Д	Ж	Ж	Э	К	К	
А	М	К	Р	О	Ы	П	И	Ф	Н	Н	О	С	Н	Е	О	Б	Ж	К	Р
М	М	В	Ы	Ф	У	Ц	И	К	Л	И	У	Т	У	Б	Й	С	М	Я	И
Ц	А	П	М	Р	Т	У	Ц	Й	Й	М	И	С	Т	Я	Ч	Д	В	К	О
Л	А	Б	И	Р	И	Н	Т	П	Ц	Т	И	М	О	Н	И	Ф	О	Ж	Р
А	М	И	Н	У	П	Р	С	Т	С	Ы	Ц	У	О	Ж	Э	Х	К	Н	Д
П	М	И	О	Н	И	Й	Х	О	Ь	Ж	Ь	С	П	Ц	И	Р	О	К	А
С	М	И	С	К	П	И	Н	С	Е	У	П	Х	Ж	У	Й	И	Т	Щ	Н
Р	Ф	Т	Р	Р	И	О	Т	Т	У	И	Т	С	С	Ы	Й	Й	К	М	Н
Ь	М	И	Н	Д	Р	Ж	Э	Г	Л	К	Р	Л	И	Д	Ж	Г	К	И	Т
Б	М	Ц	Н	К	И	Ы	Т	А	Й	С	О	Н	И	Ь	Н	И	К	О	Ю
И	С	Ц	П	К	М	Н	К	Ц	Ч	Й	У	М	Ь	П	О	Л	Д	Ж	Э
И	М	Н	З	Т	С	А	П	Р	С	Т	В	У	М	К	Д	Ж	Э	К	Н
Т	И	Т	А	Н	М	П	У	Й	К	Ч	Е	И	Б	Л	Л	И	М	Ц	Ю
Р	П	С	Ч	А	Н	Н	А	Б	Е	Т	Р	Ц	Й	У	Ч	Д	У	Р	О
С	Р	П	Т	Р	Ц	Й	К	Л	М	Н	Г	Ч	Ь	К	Э	В	Ы	М	Й
Т	М	Й	Ц	К	Р	О	Ж	Э	Ь	М	И	К	Л	А	Р	И	С	С	А

notes

Примечания

Фобос по-гречески означает страх. (*Здесь и далее прим. ред.*)

2

Место, где хранится золотой запас США.

Бессмертные боги! (*лат.*)

«Повесть о двух городах» — произведение классика английской литературы Чарльза Диккенса.

У нашей Мэри был баран,
Собаки он верней,
в грозу, и в бурю, и в туман
Баран бредет за ней...

Английская народная песенка.

Перевод С. Я. Маршака